

Коллектив авторов Источниковедение

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10016899
978-5-7598-1092-6: Высшая школа экономики; Москва; 2014
ISBN 978-5-7598-1092-6

Аннотация

В учебном пособии системно представлено источниковедение в качестве научной дисциплины и метода научного познания. В основе концепции учебного пособия – актуальный статус источниковедения как строгой науки, понимание исторического источника как объективированного результата деятельности человека / продукта культуры и трансформации объекта источниковедения от исторического источника через видовую систему корпуса исторических источников к эмпирической реальности исторического мира. Специальное внимание уделяется мировоззренческим и эпистемологическим основаниям источниковедения, его теории и методу. Принципиальная новизна учебного пособия состоит в том, что впервые четко разделены три составляющие современного источниковедения. В первом разделе источниковедение представлено как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания. Во втором разделе источниковедение позиционируется как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе. В третьем разделе источниковедение рассматривается как инструмент исторического исследования.

Для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета, и магистрантов гуманитарных направлений, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

Содержание

Введение	8
Что такое источниковедение	8
Зачем человеку источниковедение	9
Принципы построения учебного пособия и его структура	11
Необходимое предуведомление	14
Раздел первый	15
Часть I	15
Преамбула. Два подхода к истории науки	15
Глава 1	16
1.1 Становление источниковедения	16
1.2 Позитивистская парадигма источниковедения	20
Глава 2	32
2.1 Русская версия неокантианства	32
2.2. Принцип признания чужой одушевленности	35
2.3. Объект познания в русской версии неокантианства	41
2.4. Концепция источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского	43
Глава 3	57
3.1. Наука об исторических источниках в европейском историческом знании. Критика позитивизма	57
3.2 Источниковедение в СССР	62
Часть II	65
Глава 1	65
1.1. Два подхода к определению понятия «исторический источник»	65
1.2. Мировоззренческие и этические различия двух типов определений понятия «исторический источник»	68
1.3. Методологические следствия двух типов определений понятия «исторический источник»	71
Глава 2	71
2.1 Типы исторических источников	72
2.2. Письменные исторические источники в историческом познании	75
2.3. Вид исторических источников – основная классификационная единица источниковедения	79
Глава 3	81
3.1. Система видов исторических источников как проекция культуры	81
3.2. Эмпирическая реальность исторического мира – глобальный объект гуманитаристики	84
Раздел второй	87
Часть I	87
Глава 1	87

1.1. Летописание	87
1.2. Законодательные источники	110
1.3. Акты	119
1.4. Материалы государственного и вотчинного учета	130
1.5. Литературные произведения	135
Глава 2	151
2.1. Общие свойства исторических источников нового времени	151
2.2. Массовые источники	156
2.3. Законодательство	159
2.4. Акты	192
2.5. Делопроизводственные материалы	197
2.6. Материалы фискального, административного и хозяйственного учета	208
2.7. Статистика	221
2.8. Публицистика[342]	237
2.9. Периодическая печать	238
2.10. Источники личного происхождения	249
Глава 3	267
3.1. Общая характеристика источников новейшего времени	267
3.2. Законодательство советского периода	270
3.3. Делопроизводственные материалы и статистика советского периода	285
3.4. Периодическая печать, публицистика и художественная литература советского периода	299
3.5. Источники личного происхождения в XX веке	324
Часть II	333
Глава 1	333
1.1. Сравнение как способ познания	333
1.2. Сравнительно-историческое исследование	334
Глава 2	338
2.1. Метод аналогий в концепции И. Ф. Шиллера	339
2.2. Формационная модель как основание метода сравнительно-исторических исследований	340
2.3. Метод сравнения в структуре цивилизационных теорий исторического процесса	343
Глава 3	344
3.1. Россия и Западная Европа в новое время как объекты сравнительно-исторического исследования	344
3.2. Проблема перехода от средних веков к новому времени: источниковедческий критерий периодизации	346
3.3. Изменения в корпусе исторических источников при переходе от Нового времени к Новейшему	347
3.4. Изменения типологии корпуса исторических источников	349

3.5. Сравнительный анализ видов исторических источников	349
Часть III	362
Глава 1	362
1.1. Понятийный аппарат источниковедения историографии	362
1.2. Структура историографического процесса и систематизация произведений историков в работах по истории истории	364
1.3. Формирование предметного поля источниковедения историографии во второй половине XX – начале XXI века	372
Глава 2	375
2.1. Научный и социально ориентированный типы исторического знания	376
2.2. Система видов историографических источников научной истории	379
2.3. Система видов историографических источников социально ориентированного историописания	390
Раздел третий	402
Часть I	402
Глава 1	402
1.1. Этапы и процедуры источниковедческого анализа	402
1.2. Критика понятия «критика исторического источника»	419
1.3. Источниковедческий синтез	420
Глава 2	422
2.1. Структура источниковедческого анализа историографических источников	423
2.2. Анализ происхождения историографического источника	423
2.3. Анализ содержания историографического источника	425
2.4. Процедура деконструкции историографического источника	426
Глава 3	435
3.1. Рефлексия источниковой базы как атрибут научного исследования	435
3.2. Формирование источниковой базы исследования и обоснование ее репрезентативности	436
3.3. Характеристика источниковой базы исследования	438
Часть II	439
Глава 1	440
Глава 2	441
Вместо заключения	447
Источники и литература	448
Учебники и учебные пособия	448

История источниковедения	449
Теория источниковедения	451
Источники российской истории XI–XVII веков	452
Источники российской истории XVIII – начала XX века	478
Источники российской истории XX века	489
Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования	499
Источниковедение историографии	500
Источниковедческое исследование	502
Исторический источник в эдичионных практиках	503
Сведения об авторах	504

Источниковедение

© Данилевский И. Н., Добровольский Д. А., Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцева М. Ф., Хоруженко О. И., Швейковская Е. Н., 2015

© Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

Введение

Что такое источниковедение

Источниковедение (нем. Quellenkunde, англ. source study) – гуманитарная дисциплина, *объект* которой – исторические источники, т. е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры – эмпирическая реальность исторического мира, а *предмет* – изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей.

Источниковедение выросло из практической потребности установления подлинности и достоверности документов. Научное историческое источниковедение прошло сложный путь становления и развития в качестве дисциплины исторической науки. На каждом из этапов этого пути прирастали функции источниковедения, усложнялись его задачи и, главное, менялись статус и место источниковедения в системе научного исторического знания.

В течение XX в. источниковедение приобретает статус научной дисциплины. Современное состояние источниковедения определяется трансформацией нововременной науки, отличавшейся строгим дисциплинарным делением, в новый тип знания, преимущественно гуманитарного и синтетического характера. В новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, сложившейся главным образом в последней трети XX – начале XXI в., источниковедение выступает как интегрирующее начало гуманитаристики, поскольку его предмет – исторический источник, понимаемый как культурный феномен, как продукт творчества человека и социума в широком смысле, – выступает одновременно как объект исследования других гуманитарных и социальных наук. Современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе опыта собственной культуры, обогащения мировосприятия.

Выступая как интегрирующее начало гуманитарного знания, предоставляя универсальный метод обращения к произведениям человека / продуктам культуры для любых гуманитарных и социальных наук, источниковедение в то же время сохраняет связи со вспомогательными историческими дисциплинами, становление и развитие которых было обусловлено необходимостью специального изучения отдельных аспектов исторических источников (например, палеография исследует внешние признаки памятников письменности, историческая хронология – содержащиеся в них датировки, метрология – упоминаемые меры) или особых групп исторических источников (сфрагистика изучает печати, геральдика – гербы, фалеристика – знаки отличия, награды, vexillologia – знамена) с целью установления подлинности, датировки, определения авторства исторических источников.

Зачем человеку источниковедение

По логике вещей с ответа на этот вопрос и надо было бы начать. Ибо вопрос «Зачем?» весьма существенен как в науке, так и в жизни. Своевременный ответ на него зачастую позволяет сэкономить массу сил и времени. Но не могли же мы рассуждать о том, *зачем изучать*, до того как хотя бы предварительно выяснили, *что изучать*.

Исходя из простой житейской мысли и собственного научного и жизненного опыта, авторы советуют вам до начала изучения дисциплины если не ответить на вопрос «Зачем мне это надо?», то хотя бы выяснить, для чего это может вам пригодиться.

Впрочем, в такой постановке вопроса есть некоторое лукавство, поскольку ответ на этот вопрос предполагает позиционирование себя по отношению к различным сообществам. Человек в силу своей социальной природы всегда волей-неволей (осознанно или неосознанно) соотносит себя с каким-либо социумом. Поэтому поставленный вопрос трансформируем так: «Каким образом социум востребует источниковедческое знание?»

Выделим две составляющие интереса к источниковедению – общечеловеческую/общекультурную и собственно научную / профессиональную. В каждой из них можно, в свою очередь, выделить два уровня.

Общекультурная составляющая. На первом уровне освоения источниковедения вырабатывается небесполезное умение оценивать информацию, в том числе и в обыденных житейских ситуациях, с целью принятия адекватных решений. Но гораздо важнее второй уровень – выработка умения понимать человека другой культуры, Другого – в широком, философском смысле, обращаясь к созданным этим Другим вещам – продуктам его творчества, произведениям иной культуры, выступающим в системе исторического знания в качестве исторических источников. Таким образом, источниковедческий подход может и должен стать основанием толерантного отношения к Другому, что представляет собой неперенное требование современной этики.

Профессиональная составляющая. На аксиоматическом уровне понятно, что источниковедение – основа профессионализма историка-исследователя. Однако и здесь можно и нужно выделить два уровня освоения источниковедения, хотя, на первый взгляд, профессионализм – это такая категория, которая либо присутствует, либо, увы, отсутствует. Но современное научное сообщество, вернее научные сообщества, сильно дифференцировано, в том числе и по уровню профессионализма. Поэтому на первом уровне историк, точнее человек, обладающий дипломом историка, обязан уметь конструировать исторические факты путем строгой научной процедуры – источниковедческого анализа. Для описания более высокого уровня профессионализма прибегнем к словам русского историка-методолога Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919):

Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии. С такой точки зрения историк, в сущности, приступает и к изучению различных видов источников: он пытается установить, например, остатки какого именно факта или предание о каком именно факте заключаются в данном источнике, что и становится возможным лишь при надлежащем его понимании¹.

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 64.

Профессиональный историк должен не только уметь добывать факты путем «критики исторических источников» (об этом по-прежнему любимом многими историками понятии речь пойдет далее), но и понимать природу полученного нового знания и осуществлять рефлексию собственного исследовательского процесса.

Принципы построения учебного пособия и его структура

Нечеткость терминологии исторического/гуманитарного знания заставляет определять используемые понятия. При этом авторы не претендуют на окончательное определение вводимых понятий, а лишь стремятся к терминологической определенности в рамках настоящего учебного пособия.

В основе учебного пособия – два принципа.

Первый: единства истории и теории. Современное состояние источниковедения – в определенной степени результат его истории. Авторы понимают это весьма тривиальное утверждение не в кумулятивном смысле (как по сию пору часто происходит в истории науки – эта позиция разъясняется в начале первого раздела учебного пособия), но акцентируют внимание на том, что в современном источниковедении присутствуют составляющие, сформировавшиеся в разное время, и надо научиться их опознавать.

Наиболее продуктивно, на наш взгляд, осмысление истории источниковедения в соотношении с разработанными в философии науки классическим, неклассическим, постнеклассическим и неоклассическим типами рациональности (и соответствующими моделями науки). Это задача непростая и нетривиальная, поскольку проблематика философии науки разработана в основном применительно к физике и естественным наукам.

Второй: четкое разделение трех составляющих современного источниковедения:

- источниковедение как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания;
- источниковедение как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе;
- источниковедение как один из инструментов исторического исследования.

Синтез этих двух принципов позволяет предложить концепцию развития и актуального состояния источниковедения, общая схема которой зафиксирована в структуре учебного пособия, где каждой из составляющих посвящен отдельный раздел.

Источниковедение как составляющая исторического метода формируется в рамках классической модели науки, предполагающей в результате изучения (так называемой критики) исторического источника получение исторического факта, который используется далее в практиках историописания, будучи инвариантным по отношению к ним. Такая модель уже давно не соответствует современным эпистемологическим и социокультурным реалиям. Поэтому данная, вспомогательная, функция источниковедения, сохраняясь, модифицируется с учетом требований неклассической, постнеклассической и неоклассической науки. В частности, место «критики» исторических источников с целью получения так называемых достоверных фактов, верифицируемых через соответствие «объективной реальности» и понимаемых как инвариантный элемент («кирпичик») исторического построения, занимает источниковедческий анализ, системообразующее значение в котором имеет процедура интерпретации, цель которой – понимание Другого, т. е. автора исторического источника. Поскольку источниковедческий анализ должен быть эпистемологически фундирован, то он рассматривается в третьем, заключительном, разделе учебного пособия вместе с вопросами формирования источниковой основы исследования и методиками введения исторических источников в научный оборот и социальные практики (археографией).

Обретение источниковедением статуса дисциплины связано в первую очередь с рефлексией объекта. На рубеже XIX–XX вв. в русской версии неокантианства была поставлена проблема исторического источника как специфического объекта источниковедения. Отталкиваясь от сформированного в русской версии неокантианства понимания историче-

ского источника как объективированного результата деятельности человека, исследователи, развивавшие эту концепцию, пришли к утверждению в качестве объекта источниковедения системы видов исторических источников, презентующих соответствующую культуру². Обоснование понятия «эмпирическая реальность исторического мира»³ как не только эпистемологического, но и, по сути, онтологического позволило закрепить статус источниковедения как самостоятельной научной дисциплины в системе и исторического, и гуманитарного знания в целом. Понятие объекта и связанная с ним проблема классификации рассматриваются в первом разделе учебного пособия.

Новое понимание объекта источниковедения позволило конституировать изучение видовых систем исторических источников как самостоятельный метод изучения различных социокультурных общностей. Второй раздел учебного пособия содержит апробацию метода и презентует систему видов источников российской истории как проекцию российской культуры. Рассмотрение корпуса источников российской истории позволяет понять, каким образом метод источниковедения используется при работе с конкретным материалом, как формируются видовые методы, учитывающие особенности различных исторических источников. Изучение источников именно российской истории дает авторам возможность опираться на богатые традиции и достижения российской источниковедческой культуры и преподавания источниковедения как особой дисциплины. При этом историку, изучающему историю иной страны (культуры, этноса, региона и т. п.), предоставляется разработанная модель подхода к целостной совокупности исторических источников. В этом же разделе представлены *компаративное источниковедение* как метод сравнительно-исторического исследования и *источниковедение историографии* как приложение метода источниковедения к изучению истории истории (истории исторического знания и истории исторической науки).

Итак, общая схема развития источниковедения выглядит таким образом.

Классическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании – критика исторического источника с целью получения достоверных фактов, понимаемых как часть реальности прошлого.

Цель изучения в образовательной системе профессиональной подготовки историка – овладение навыком критического отношения к информации исторического источника в исследовательских практиках.

Неклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании – диалог историка с автором исторического источника с целью интерпретации его содержания на основе принципа «признания чужой одушевленности» и осмысления механизма порождения исторического источника в определенной культуре.

Цель изучения – выявление феноменологической природы исторического источника, осознание конструирующей роли познающего субъекта в контексте понимания механизмов познания.

Постнеклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании – в условиях постмодернистских деконструкций предложить способ социального конструирования реальности методом источниковедения на основе понимания объекта источниковедения как системы видов исторических источников, презентующих ту или иную культуру.

² Эта концепция зафиксирована в предыдущем нашем учебном пособии: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998 [переизд. 2000, 2004].

³ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

Цель изучения – конструирование исторического целого на основе метода источниковедения.

(Однако отметим, что эта часть предлагаемой конструкции наиболее спорная. Здесь скорее стоит вести речь об интертекстуальности и отчасти оппонировании этому подходу со стороны феноменологической источниковедческой концепции исторического познания, принадлежащей неоклассической модели науки.)

Неоклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании – формирование эпистемологических оснований истории как строгой науки на основе понимания его объекта – эмпирической реальности исторического мира как онтологической категории.

Цель изучения – понимание источниковедения как когнитивной науки и формирование строгих стандартов научности в историческом познании на основе понятия «эмпирическая реальность исторического мира» как онтологической категории.

Мы оставили за пределами рассмотрения философские дискуссии о соотношении постнеклассической и неоклассической рациональности. Зафиксируем для дальнейшего анализа свое видение проблемы: если первые три типа рациональности сменяют друг друга, то неоклассическая рациональность формируется параллельно с неклассической и актуализируется в условиях преобладания постнеклассической, находясь в постоянном поиске новых эпистемологических оснований строгого научного знания. Именно поэтому она не сменяет постнеклассическую рациональность, а предлагает свое видение научного познания, во многом противостоящее постмодернистской эпистемологической анархии.

Очевидно, что выделенная выше логическая структура источниковедения, по принципу которой организован материал учебного пособия, не соответствует исторической последовательности, т. е. последовательности возникновения разных составляющих дисциплины. Причина этого, как уже отмечалось, – необходимость теоретического фундирования на уровне актуального научного знания как применения источниковедческого метода в историческом познании, так и процедур источниковедческого анализа, сохраняющих в исследовательской практике инструментальный характер.

Такая структура учебного пособия обуславливает его принципиальную новизну и соответствие актуальному пониманию статуса источниковедения в системе научного знания.

Помня об обещании прояснять используемые понятия, авторы должны подчеркнуть, что строго различают понятия «современный», т. е. наличествующий в существующем здесь и сейчас историческом знании, и «актуальный», т. е. адекватно отвечающий потребностям этого знания и, соответственно, удовлетворяющий потребности современного социума.

Необходимое предуведомление

Прежде чем приступить к системному изложению источниковедения как научной дисциплины и как системообразующего начала гуманитарного знания, авторы считают необходимым сделать одно предуведомление, но адресуют его только тем, кто намерен освоить источниковедение на высоком уровне профессионализма.

Рефлексивный уровень освоения знания – особенно теоретического, а теоретическая составляющая источниковедения весьма существенна, – предполагает не только обогащение памяти, но и образование, понимаемое как образование личности в прямом смысле, т. е. работу над своей личностью и углубленную саморефлексию. Авторам чрезвычайно близка формула Ж.-П. Сартра: «Понять – значит измениться, превзойти самого себя...»

Если вы готовы меняться, то давайте осваивать и присваивать источниковедение вместе. Если не готовы, то пусть источниковедение останется для вас помощником в удовлетворении вашего интереса к истории и даст некоторую пищу вашей эрудиции.

Данилевский Игорь Николаевич (раздел 2, часть 1, глава 1); **Добровольский Дмитрий Анатольевич** (раздел 2, часть 1, глава 3); **Казаков Роман Борисович** (источники и литература); **Маловичко Сергей Иванович** (раздел 2, часть 3; раздел 3, часть 1, глава 2); **Румянцева Марина Федоровна** (введение; раздел 1; раздел 2, часть 1, глава 2; раздел 2, часть 2; раздел 3, часть 1, главы 1, 3; вместо заключения); **Хоруженко Олег Игоревич** (раздел 3, часть 3), **Швейковская Елена Николаевна** (раздел 2, часть 1, глава 1, параграф 4).

Раздел второй

Источниковедение как метод исторического познания

Часть I

Корпус источников российской истории

Глава 1

Источники российской истории XI–XVII веков

1.1. Летописание

Летописи по праву считаются одним из важнейших источников изучения Древней Руси. Известно более 200 их списков, значительная часть которых опубликована в «Полном собрании русских летописей».

Каждый летописный список имеет условное название: по переписчику текста (Лаврентьевский список), по месту находки (Кенигсбергский, Ипатьевский и другие списки), по месту хранения (Академический, Синодальный, Археографический и другие списки) или по прежнему владельцу (списки Радзивилловский, Оболенского, Хрущевский и др.). Иногда летописи называются по имени их заказчика, составителя, редактора или переписчика (Лаврентьевский список, Никоновская летопись). Наименования по летописному центру обычно даются целым редакциям, в которые объединяются ряд списков (Новгородская летопись, Московский свод 1486 г.). Чтобы различать летописи, носящие одно и то же название, к ним добавлялись условные номера (Псковские I, II и III летописи, Новгородские I, II, III, IV и V летописи), которые не связаны с последовательностью их создания. Некоторые списки могут иметь несколько названий: Радзивилловский список (Радзивилловская летопись) может также называться Кенигсбергским; Устюжская летопись часто упоминается как Архангелогородский летописец. Неизданные списки летописей принято называть по архивохранилищу, в котором они находятся, и шифру, под которым они там числятся. Предпринимавшиеся в середине 30-х годов XX в. попытки ввести единые правила наименования летописных списков и редакций вели лишь к большей путанице, серьезно затрудняли понимание ссылки на конкретную летопись и усложняли ее поиск, в связи с чем эта идея не была воплощена в жизнь.

1.1.1. Летописи как исторический источник и методы их изучения

Определение летописания как особого вида исторических источников вызывает серьезные трудности. Прежде всего это связано со сложным составом летописей. Будучи сводами предшествующих текстов, они могут включать ежегодные хроникальные записи, документы (международные договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (повести, слова, агиографические материалы, сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала. В то же время каждый летописный свод принято рассматривать как цельное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность.

Дополнительные сложности вносит обыденное употребление слов «летопись» и «летописание». В Древней Руси под летописанием понимали повествования, расположенные в хронологическом порядке, но не обязательно точно датированные. В современных исследованиях так иногда называют местную летописную традицию (галицко-волынское летописание, летописание Москвы, летопись Твери, новгородская летопись, ростовская летопись и т. п.).

В широком смысле слова летописями называют исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам и сопровождается хронографическими (годовыми), часто календарными, а иногда и хронометрическими (часовыми) датами. По видовым признакам они близки западноевропейским анналам (от *лат.* *annales libri* – «годовые сводки») и хроникам (от *греч.* *chronikos* – «относящийся ко времени»). В узком смысле летописями принято называть реально дошедшие до нас летописные тексты, сохранившиеся в одном или нескольких сходных между собой списках. Иногда небольшие по объему летописи – чаще всего сугубо местные или хронологически ограниченные – называют летописцами (Рогожский летописец, «Летописец начала царства» и т. п.). Впрочем, их могут называть и летописями. В источниковедческих исследованиях под летописью (Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись) обычно подразумевается комплекс списков, объединяемых в одну редакцию и имеющих общий исходный текст.

Летописание велось на Руси с XI в. по XVII в. Поздние русские летописи (XVI–XVII вв.) существенно отличаются от летописей предшествующих веков. В это время летописание как особый жанр исторического повествования угасает. Ему на смену приходят иные виды исторических источников: хронографы (точнее, гранографы), синопсис и т. п. При этом летописи все больше приобретают хронографические черты: повествование ведется по «граням» – периодам правления царей и великих князей. Поздние хронографы могут включать в свой состав летописные материалы.

Еще в XIX в. было установлено, что почти все летописи представляют собой своды и своды сводов предшествующих летописных текстов. В современной специальной литературе под сводом понимают реконструкцию текста, легшего в основу всех летописных списков данной редакции. Такой гипотетический исходный текст называют протографом (от *греч.* *protos* – «первый» и *grapho* – «пишу»). Иногда в основе текста списка летописи лежат несколько протографов. В таком случае принято говорить не о редакции свода, а о редакции летописи (редакции редакции).

Реконструкции текстов сводов – задача сложная и трудоемкая. К ним прибегают, чтобы прояснить состав и содержание текста гипотетического свода. Такие реконструкции имеют преимущественно иллюстративное значение. Реконструкции протографов допустимы, как правило, на заключительной стадии источниковедческого исследования, поскольку позволяют конкретнее представить результаты работы над текстами летописных списков. Однако их не принято использовать в качестве исходного материала. Своеобразным исключением выступает научная реконструкция М. Д. Приселковым Троицкой летописи, список которой погиб во время московского пожара 1812 г. Благодаря этой реконструкции Троицкий список был вновь введен в научный оборот.

В источниковедческой практике пользуются в основном реально дошедшими текстами списков летописей. В случае необходимости указываются разночтения, встречающиеся в иных списках летописи этой редакции.

При работе с летописными материалами следует помнить о неточности и условности научной терминологии. Поэтому необходимо различать, когда речь идет о летописи как условной редакции, а когда – о конкретном списке, не путать реконструкции летописных протографов с дошедшими до нас текстами списков и т. д.

Одно из самых сложных в летописеведении – понятие авторства. Практически каждая из известных летописей – результат работы нескольких поколений летописцев. Уже поэтому само представление об авторе (или составителе, или редакторе) летописного текста оказывается в значительной степени условным. Каждый из них, прежде чем приступить к описанию событий и процессов, очевидцем или современником которых он был, переписывал один или несколько предшествующих летописных сводов, бывших в его распоряжении. Когда же летописец подходил к созданию оригинального, авторского текста о современных ему событиях, участником или очевидцем которых он был либо о которых узнавал от свидетелей, он руководствовался высшим для христианского сознания историческим опытом, пытаясь различить в происходящем отображение Священной истории – вневременной и постоянно заново переживаемой в реальных событиях настоящего. Отсюда следовал и способ описания – через прямое или опосредованное цитирование сакральных текстов. Тексты источников, на которые опирался летописец, служили для него и его современников семантическим фондом, из которого выбирались готовые клише для описания и оценки происходящего.

Работа с летописями начинается с чтения и сличения всех списков данной редакции. При этом фиксируются и объясняются разночтения между ними. Следует помнить, что разбивка на слова и расстановка знаков препинания в публикациях летописей – результат определенной интерпретации текста исследователем (издателем).

Изучение истории летописного свода в целом и каждой летописной статьи – в рамках данной летописи и предшествующих ей сводов, до того момента, когда статья вошла в летописный текст, – исключает не критическое, потребительское отношение к летописному материалу.

Следующее важное условие научного изучения летописей – установление личности летописца, его политических, религиозных, этнических и прочих взглядов, симпатий и антипатий, пристрастий и неприятий.

Критический анализ источника должен также предусматривать историю бытовавших в тот период, когда создавался летописный свод, значений и смыслов образной системы, которая использовалась летописцем и хорошо понималась его читателями. Без этого восприятие информации, заключенной в подлинном тексте летописной статьи, становится некритическим, а проблема достоверности текста подменяется проблемой его подлинности. С этим связан так называемый наивно-исторический подход к восприятию летописных сведений, буквальное их повторение в исторических исследованиях.

Естественно, чтобы понять любое информационное сообщение, необходимо знать язык, на котором оно передается. Но этого еще недостаточно, чтобы считать, что текст понят. Историка не может удовлетворить буквальный, лингвистически точный перевод текста сам по себе. Он представляет собой лишь одно из вспомогательных средств для уяснения исторического смысла источника.

Древнерусские летописные тексты не так элементарны, как может показаться при первом приближении. Летописец, как правило, – весьма начитанный книжник, мастерски подбирающий из множества известных ему произведений фрагменты, подходящие по форме и содержанию, которые он складывает в единое по замыслу и грандиозное по масштабу мозаичное полотно летописи. Текст, скомпилированный летописцем из фрагментов произведений, созданных порой за несколько сот лет до него по совершенно другому поводу, может казаться современным и простым. Отсутствие прямых текстуальных совпадений в таких случаях вряд ли может рассматриваться как основание для отрицания близости текстов. Здесь, видимо, речь может идти о принципиально ином уровне текстологических параллелей, доказательство которых должно быть достаточно строгим, хотя и не основывающимся на буквальных повторениях.

Один из самых сложных и спорных вопросов истории летописания – проблема мировоззрения древнерусских летописцев. В советской историографии было распространено мнение о том, что летописные сведения довольно реалистичны и по большей части протокольно точны, а религиозный момент в них выполнял этикетную роль, был чисто внешней данью требованиям времени и жанра. Поэтому, как полагали многие исследователи, церковная риторика, которая в изобилии встречается в летописных сводах, не может использоваться даже для изучения мировоззрения автора той или иной записи.

При таком подходе понимание довольно сложного и многоуровневого текста сводится исключительно к буквальным значениям, а текст адаптируется (часто в виде научного перевода или реконструкции) к возможностям понимания современного ученого.

Исследования последних лет позволяют по-новому поставить проблему осмысления летописных текстов. Понимание информации, заключенной в письменном источнике, прежде всего зависит от того, насколько точно определил исследователь цель его создания. Содержание и форма текста напрямую связаны с тем, зачем он создан. Замысел – основной фильтр, который позволяет автору отобрать необходимую для повествования информацию. Именно замысел определяет набор и порядок изложения известий в летописи. Он в значительной степени определяет также форму изложения, поскольку ориентирует автора (составителя, редактора) на определенные литературные параллели.

Таким образом, замысел позволяет объяснить: 1) причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то изложение; 2) структуру летописного повествования; 3) отбор материала, подлежащего изложению; 4) форму его подачи; 5) подбор источников, на которые опирался летописец.

Установление замысла любого (в том числе и летописного) произведения – довольно сложная процедура. Он выявляется на основании анализа содержания текстов, на которые опирался летописец (и общих идей произведений, которые он брал за основу изложения), литературных форм, встречающихся в летописи. Сначала следует восстановить актуальное для летописца и его потенциальных читателей содержание летописных сообщений, свода в целом, а уже на этом основании пытаться вычленив базовую идею, вызвавшую к жизни данное произведение.

1.1.2. Повесть временных лет и предшествовавшие ей своды

Начало древнерусского летописания связывают с устойчивым текстом, которым начинается подавляющее большинство дошедших до нашего времени летописных сводов. Отдельных списков его неизвестно. В некоторых поздних летописях он подвергся сокращениям и некоторым случайным вставкам (летопись Переяславля Южного и др.), в нескольких (Софийская I, Новгородская IV и др.) был соединен с Киевским и Новгородским сводами. По строкам, начинающим большинство его списков, этот текст традиционно называют Повестью временных лет (ПВЛ). Он охватывает период с древнейших времен до начала второго десятилетия XII в. и в летописях доводится до разных годов: до 1110 г. (Лаврентьевский и близкие ему списки) или до 1118 г. (Ипатьевский и близкие ему списки). Это обычно связывается с неоднократным редактированием ПВЛ.

Сличение обеих редакций привело А. А. Шахматова к выводу о том, что в Лаврентьевской летописи сохранился текст первой редакции, проведенной игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, оставившим об этом запись под 6618 г.: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжашю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лета; а иже чтець книги сия, то буди ми въ молитвахъ». Безусловно, ПВЛ была составлена до даты, указанной в приписке Сильвестра.

В Ипатьевской летописи текст ПВЛ на этом не обрывается, а продолжается без пропусков вплоть до 6626 (1118) г. После этого характер годовых статей резко меняется. На смену развернутому изложению событий приходят крайне скудные отрывочные записи. Текст статей 6618–6626 гг. обычно связывается со второй редакцией Повести временных лет, проведенной, видимо, при старшем сыне Владимира Мономаха новгородском князе Мстиславе.

Указание о том, что автором ПВЛ был какой-то монах Киево-Печерского монастыря, встречающееся в Ипатьевской летописи (в Хлебниковском списке названо и имя этого монаха – Нестор), а также ряд разночтений в текстах списков Лаврентьевской и Ипатьевской редакций Повести временных лет побудили А. А. Шахматова утверждать, что Лаврентьевская летопись сохранила непервоначальный вариант ПВЛ. По мнению А. А. Шахматова, летопись, которую принято именовать Повестью временных лет, была создана в 1112 г. предположительно автором двух известных агиографических произведений («Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского») Нестором.

При редактировании первоначальный текст (так называемая первая редакция Повести временных лет) был изменен настолько, что А. А. Шахматов пришел к выводу о невозможности его реконструкции «при теперешнем состоянии наших знаний». Что же касается текстов Лаврентьевской и Ипатьевской редакций ПВЛ (их принято называть второй и третьей редакциями ПВЛ соответственно), то, несмотря на позднейшие переделки, А. А. Шахматову удалось определить их состав и предположительно реконструировать. В целом представление о трех редакциях Повести временных лет разделяется подавляющим большинством современных исследователей.

Летописные своды, предшествовавшие Повести временных лет *Начальный свод.* Дальнейшее исследование текста ПВЛ показало, что в нем содержится ряд фрагментов, нарушающих изложение. Некоторые из них (например, договор князя Святослава с греками 971 г., рассказ о так называемой четвертой мести Ольги древлянам) даже нарушили структуру фраз, оторвав начало предложения от его завершения. В Новгородской I летописи, текст которой в начальной части отличается от большинства других летописей, содержащих Повесть временных лет, все подобные нарушения текста отсутствуют. Это дало основания для предположения о том, что в составе Новгородской I летописи сохранился текст свода, предшествовавшего Повести временных лет. При дальнейшем исследовании этого текста оказалось, что в нем отсутствуют все договоры Руси с греками, а также все прямые цитаты из греческой «Хроники Георгия Амартола», которой пользовался составитель Повести временных лет. Последний признак представляется особенно важным, поскольку в летописях (как, впрочем, и в любых других произведениях древнерусской литературы) не было принято как-то выделять цитируемые фрагменты из других текстов. Поэтому вычленив и удалить из летописи все прямые цитаты, внесенные из какого-либо другого текста, можно было, лишь проведя полное текстуальное сличение летописи с цитируемым произведением. Не говоря уже о технической сложности такой операции, непонятно, зачем могло понадобиться летописцу очищать свой текст от вставок из «Хроники Георгия Амартола». Это заставило сделать вывод о том, что Повести временных лет предшествовал свод, который А. А. Шахматов предложил назвать Начальным. Исходя из содержания и характера изложения летописи, его предложено было датировать 1096–1099 гг. Он-то и лег в основу Новгородской I летописи.

Проблема существования Древнейшего свода. Изучение текста гипотетического Начального свода, однако, показало, что и тот имел в основе какое-то произведение (или несколько произведений) летописного характера. Об этом говорили некоторые логические несообразности текста, отразившиеся в Новгородской I летописи. Из этого А. А. Шахматов сделал вывод о том, что в основе Начального свода лежала некая летопись, составленная между 977 г. и 1044 г. – скорее всего, в 1037 (6545) г., – под которым в ПВЛ помещена

обширная похвала князю Ярославу Владимировичу. Это гипотетическое летописное произведение исследователь предложил назвать Древнейшим сводом. Повествование в нем еще не было разбито на годы и имело монотематический (сюжетный) характер. Годовые координаты (как иногда говорят, хронологическую сеть) в него внес киево-печерский монах Никон Великий в 70#х годах XI в.

Идея о существовании Древнейшего свода вызвала возражения. Считается, что эта гипотеза не имеет достаточных оснований. В то же время большинство исследователей согласны с тем, что в основе Начального свода действительно лежала какая-то летопись или ему предшествовало монотематическое повествование. Характеристики и датировки исходного текста, предполагаемые исследователями, существенно расходятся.

М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что в ПВЛ лучше отражено время правления Святослава Игоревича, нежели Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. На основании сравнительного изучения ПВЛ и Новгородской I летописи он пришел к выводу, что ПВЛ базировалась на монотематической «Повести о начале Русской земли», рассказывавшей об основании Киева и первых киевских князьях. Предположение М. Н. Тихомирова совпадало с мнением Н. К. Никольского и нашло поддержку у Л. В. Черепнина. Они также связывали зарождение русского летописания с какой-то старинной повестью о полянах-руси. Ее создание приурочивалось ко времени правления в Киеве Святослава Ярославича (Владимировича) и датировалось 1015–1019 гг. Текстологической проверки этой гипотезы проведено не было.

Д. С. Лихачев полагал, что Начальному своду предшествовало «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси». Оно представляло собой монотематический рассказ, составленный в начале 40#х годов XI в., к которому впоследствии были присоединены некие устные народные предания о князьях-язычниках. В это произведение, по мнению Д. С. Лихачева, входили сказание о крещении и кончине княгини Ольги, сказание о первых русских мучениках варягах-христианах, сказание о крещении Руси (включающее «Речь философа» и «Память и похвалу князю русскому Владимиру»), сказание о Борисе и Глебе и, наконец, похвала князю Ярославу Владимировичу. Отнесение всех этих текстов к единому источнику основывалось на якобы присущих им теснейших композиционных, стилистических и идейных связях. Однако анализ, проведенный Д. А. Баловневым, показал, что гипотеза Д. С. Лихачева не находит текстологического подтверждения.

Одну из самых ранних дат начала русского летописания предложил Л. В. Черепнин. Сопоставив текст ПВЛ с «Памятью и похвалой князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, он пришел к выводу, что в основе последней лежал свод 996 г. Этот текст, по мнению Л. В. Черепнина, опирался на краткие летописные заметки, которые велись при Десятинной церкви в Киеве. Было также высказано предположение, что к составлению свода Десятинной церкви был причастен Анастас Корсунянин.

Несмотря на расхождения с представлениями А. А. Шахматова о характере и времени написания древнейшего литературного произведения, которое впоследствии легло в основу собственно летописного изложения, исследователи сходятся в том, что такое произведение существовало. Принципиально не расходятся они и в определении даты его составления – первая половина XI в. Дальнейшее изучение ранних летописных текстов позволит уточнить, что представлял собой этот источник, его состав, идейную направленность, дату создания.

Новгородские своды XI века. Воссоздавая начальные этапы древнерусского летописания, А. А. Шахматов предположил существование Новгородского свода, который был начат в 1050 г. и велся до 1079 г. Вместе с Киево-Печерским сводом 1074 г. (сводом Никона) он лег в основу Начального свода. Новгородский свод третьей четверти XI в., по мнению А. А. Шахматова, опирался на Древнейший свод и какую-то более раннюю новгородскую летопись 1017 г., составленную при новгородском епископе Иоакиме. Однако Повесть временных лет

включает незначительное количество известий о новгородских событиях XI в., что заставляет усомниться в обоснованности этой гипотезы. Многие историки древнерусского летописания полагают, что все новгородские известия Повести временных лет восходят к устным источникам (сообщениям Вышаты и Яня Вышатича).

Высказывались и иные гипотезы о новгородском летописании XI в. Так, Б. А. Рыбаков связывает составление такого свода с именем новгородского посадника Остромира (1054–1059). По мнению исследователя, это была светская (боярская, посадничья) летопись, обособывавшая независимость Новгорода от Киева. Имея не только антикняжескую, но и антиваряжскую направленность, она в то же время первой включила в летописный рассказ легенду о призвании варягов, откуда та перешла в позднейшее летописание.

Устные источники в составе Повести временных лет. В числе своих источников летописец называет устные предания: под 6604 (1096) г. он упоминает новгородца Гюряту Роговича, рассказавшего ему югорскую легенду о народах, живущих на краю земли в «полуночных странах»; под 6614 (1106) г. сообщает о кончине 90-летнего «старца доброго» Яня, от которого «многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь». Это послужило основанием для гипотезы о существовании в составе Повести временных лет «устных летописей». Считается, что киевские летописцы получали информацию от представителей рода новгородских посадников: Никон – от Вышаты, а создатели Начального свода и ПВЛ – от Яня Вышатича.

Гипотеза об устных летописях вызвала справедливую критику, поскольку опирается на ряд крайне слабо обоснованных допущений, в числе которых, например, отождествление информатора летописца Яня с Янем Вышатичем. Непосредственно перед записью о смерти 90-летнего «доброе старца» под тем же 6614 (1096) г. упоминается о том, что Янь Вышатич был послан во главе военного отряда на половцев и одержал над ними победу. Для старика такие подвиги вряд ли возможны.

Тем не менее летописец, несомненно, пользовался какими-то устными источниками, состав и объем которых пока не установлены.

Иностранные источники Повести временных лет. Летописцы, создававшие и редактировавшие Повесть временных лет и предшествующие ей летописные своды, опирались не только на отечественные, но и на зарубежные источники.

Значительную часть их составляют зарубежные хроники, прежде всего греческие. Из них ранние летописцы заимствовали не только фактический материал, но и ряд основополагающих идей, в частности идеи исторического процесса.

Особенно многочисленны заимствования из так называемого болгарского перевода «Хроники Георгия Амартола» (т. е. «грешного») и его продолжателя. Сама «Хроника...» была создана около 867 г. и охватывала всемирную историю от Адама до смерти византийского императора Феофила (812). В тексте, которым пользовался составитель Повести временных лет, изложение было доведено до смерти императора Романа (948). Из нее были заимствованы сведения, так или иначе связанные с историей славян и прежде всего с первыми походами Руси на Константинополь. Даты, имеющиеся в «Хронике Георгия Амартола», стали основанием для летописных датировок событий ранней истории. В ряде случаев летописец взял из «Хроники...» характеристики исторических персонажей, которые были перенесены на действующих лиц древнерусской истории.

Другим важным источником стал «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора (806–815), в котором содержался хронологический перечень важнейших событий всемирной истории, доведенный до года смерти автора – 829 г. Составитель первой редакции Повести временных лет при проведении хронологических вычислений, видимо, опирался на его вторую редакцию, известную в славянском (болгарском) переводе. В част-

ности, «Летописец вскоре» Никифора стал одним из источников хронологического расчета, помещенного под 6360 (852) г.

Важным источником ПВЛ, по мнению ряда исследователей, выступил какой-то не дошедший до нашего времени хронограф особого состава. В него входили фрагменты уже упоминавшейся «Хроники Георгия Амартола», переводов греческих хроник Иоанна Малалы и Георгия Синкелла, а также «Пасхальной хроники».

Использовался в ПВЛ и текст еврейского хронографа «Книга Иосиппон», составленного в южной Италии в середине X в. В его основу был положен латинский перевод «Иудейских древностей» и пересказ «Иудейской войны» Иосифа Флавия (откуда и произошло название самой книги). Как показал лингвистический анализ, перевод «Книги Иосиппон» с еврейского на древнерусский язык был сделан непосредственно в Киеве.

Важным источником образных представлений первых русских летописцев стали произведения сакрального характера. Прежде всего это было Священное Писание. Поскольку до 1499 г. славянской Библии как единого кодекса не существовало, остается только догадываться, в каком виде могли использовать летописцы тексты Ветхого и Нового Заветов. Считается, что это были паремийные чтения (фрагменты Священного Писания, читающиеся в православной церкви на вечернем богослужении, чаще всего накануне праздников). Однако сличение ПВЛ с дошедшими до нашего времени списками богослужебных книг (в частности, с паремийниками) заведомо не может подтвердить или опровергнуть это предположение. Дело в том, что соответствие богослужебных книг четым для X–XV вв. неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет установлено. Тем более что разночтения в ранних переводах библейских текстов, по наблюдению Л. П. Жуковской, могли быть «велики, многочисленны и разнообразны». Кроме того, богослужебные книги сохранились в сравнительно поздних списках, что делает их текстологическое сличение с ПВЛ спорным. Не следует также забывать о библейских цитатах, которые пронизывают все греческие хроники, использованные летописцем. Даже по прямым цитатам невозможно установить, лежал ли текст Священного Писания непосредственно перед летописцем, когда тот обращался к библейской тематике, или же он помнил его наизусть либо близко к тексту.

Именно аналогии с библейскими событиями в первую очередь давали летописцу типологию существенного. Именно из Священного Писания он чаще всего отбирал клише для характеристики людей и событий. В соотнесенности происходящего с надмирным и заключался провиденциализм древнерусских летописцев. Поэтому один из важнейших ключей к пониманию и истолкованию летописных образов должен крыться в деталях описания, опирающихся на библейские образы. Следует отметить, что для описания происходящего летописцы чаще использовали «исторические» (ветхозаветные) образы, в то время как прямые и косвенные цитаты из Нового Завета (христологические образы) в основном использовались во вставных произведениях, которые попадали на страницы летописей.

При создании летописей широко привлекалась апокрифическая литература, которая в XI–XII вв. бытовала наряду с богослужебными книгами. Помимо хорошо известных и очень популярных древнерусских переводов «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, к ней можно отнести также Толковую Палею (комментированный неканонический Ветхий Завет). Возможно, именно в составе Толковой Палеи летописец познакомился со статьей Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе иерусалимского первосвященника, и оттуда был заимствован ряд образов, с помощью которых летописец давал характеристики персонажам своего повествования. Возможно, летописец был знаком и с другими апокрифическими произведениями (Книгой Еноха, «Заветами 12 патриархов» и др.), поскольку в тексте ПВЛ есть косвенные ссылки на встречающиеся в них образы.

Использовалось составителем ПВЛ и «Житие преподобного Василия Нового» – греческое агиографическое произведение, известное в славянском переводе. Из него, в частности,

был заимствован образный ряд при описании походов Олега и Игоря на Константинополь 6415 (907) г. и 6449 (941) г.

Кроме того, в ПВЛ были вставлены тексты договоров Руси с Византией, помещенные под 6415 (907), 6420 (911), 6453 (945) и 6479 (971) гг. Считается, что они послужили основанием для переработки текстов Начального свода, касающихся походов князей Олега, Игоря и Святослава на Константинополь.

Для источников, на которые опирались древнерусские летописцы в своей работе, характерны некоторые общие черты. Это были сочинения, которые описывают преимущественно церковную историю и ориентированы на эсхатологическую проблематику, в частности на идею последнего царства. Особенный интерес для древнерусского летописца представляла история о гибели царства еврейского, которая рассматривалась как прообраз новозаветной истории. Отсюда же проистекал стойкий интерес к антииудейским произведениям типа Толковой Палеи, текстам Иосифа Флавия, славянскому переводу хроники Георгия Синкелла и т. п.

Цель создания древнейших летописных сводов

В явном виде она в них не формулируется. Определение ее стало одним из дискуссионных вопросов в современном летописеведении. Многие исследователи полагают, что зарождение летописной традиции на Руси связано с учреждением Киевской митрополии. Такое объяснение не позволяет понять, зачем потребовалось продолжать начальную летопись, а затем создавать новые летописные произведения. Позднейшие своды, составлявшиеся на основе Повести временных лет, представляются то публицистическими произведениями, написанными на злобу дня, то средневековой «беллетристикой», то текстами, которые систематически дописывают – едва ли не по инерции. В лучшем случае дело сводится к тому, что князья проявляли заботу о своевременном записывании событий (хотя и непонятно, зачем им это понадобилось), а летописцы видели в своем труде поучение современникам, которое имело в большей степени политический характер. За него летописец якобы рассчитывал получить от князя вознаграждение – материальное по преимуществу. Из этого следовал вывод, что Повесть временных лет – малонадежный исторический источник.

Между тем цель создания летописей должна быть достаточно значимой, чтобы на протяжении ряда столетий многие поколения летописцев продолжали труд, начатый в Киеве в XI в. Должна она объяснить и затухание летописания в XVI–XVII вв. Вряд ли она может быть сведена исключительно к меркантильным интересам монахов-летописцев. К тому же признание политической «партийности» авторов и редакторов Повести временных лет противоречит представлению о единстве, цельности этого литературного произведения, а расхождения (иногда радикальные) в оценках одного и того же деятеля, сохранявшиеся при последующей переписке или редактировании летописи, в таком случае не находят объяснения.

Одним из предложенных в последние годы решений была гипотеза об эсхатологических мотивах как основной теме древнейшей русской летописи. Судя по всему, именно тема конца света была для летописца системообразующей: все прочие мотивы и сюжеты, встречающиеся в ПВЛ, лишь дополняют и развивают ее. К тому же есть достаточные основания и для гипотезы, что ориентация на спасение в конце мира – сначала коллективное (большая эсхатология), а позднее индивидуальное (малая эсхатология) – определяла важнейшую социальную функцию летописи: фиксацию нравственных оценок основных (с точки зрения летописца) персонажей исторической драмы, разворачивающейся на богоизбранной Русской земле, которая явно претендует на то, чтобы стать центром спасения человечества на Страшном суде. Именно эта тема позволяет непротиворечиво объяснить структуру летописного повествования, отбор материала, подлежащего изложению, форму его подачи, под-

бор источников, на которые опирается летописец, причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то повествование.

Вместе с тем глобальность цели, которую ставил перед собой летописец, предполагала многоплановость изложения, охват широкого круга самых разнообразных по своему характеру событий. Все это задавало ПВЛ ту глубину, которая обеспечивала ее социальную полифункциональность: возможность прагматического использования текста летописи (для доказательства, скажем, права на престол, как своеобразного свода дипломатических документов и проч.) наряду с ее чтением в качестве нравственной проповеди, собственно исторического или «беллетристического» сочинения и т. д.

Следует все-таки отметить то, что до сих пор идеи и духовные ценности, которыми руководствовался летописец в ходе своей работы, во многом продолжают оставаться загадочными.

1.1.3. Местное летописание XII–XIII веков

После выделения из состава Древнерусского государства отдельных земель и княжеств летописные традиции Киевской Руси получали продолжение и развитие на местах. До нас не дошли списки летописей, относящихся к этому времени. Поэтому речь может идти только о гипотетических сводах, существовавших в домонгольской Руси. Источниками для изучения этого этапа древнерусского летописания служат более поздние летописи.

Южнорусское летописание. Источниками изучения южнорусского летописания XII–XIII вв. служат в первую очередь Ипатьевский (начало XV в.), близкие ему Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (конец XVII – начало XVIII в.) и другие списки, а также списки Воскресенской и основной редакции Софийской I летописей. Их текстологический анализ позволил высказать предположение о существовании Киевского великокняжеского свода 1200 г. (А. Н. Насонов определил этот свод как «киевский свод 1198–1199 гг.»). Попытка В. Т. Пашуто отнести этот свод к более позднему времени – 1238 г. – не получила поддержки специалистов. Считается общепринятым то, что он был составлен при князе Рюрике Ростиславиче в Выдубицком монастыре. Непосредственным поводом к его написанию, как считает М. Д. Приселков, стало возведение князем каменной стены для монастыря.

Во всяком случае, свод заканчивается описанием торжеств по случаю завершения строительства 24 сентября 1199 г. Вместе с тем обращалось внимание на то, что Рюрик Ростиславич был первым правителем Киева, получившим великокняжеский титул после 1037 г., что могло стать непосредственным мотивом создания великокняжеской летописи. Автором Киевского свода предположительно называют игумена Выдубицкого монастыря Моисея.

Источниками свода 1200 г. считают: 1) Киевский свод Святослава Всеволодовича (основной источник, оканчивавшийся описанием кончины князя в 1173 г.); 2) сборник некрологов Ростиславичей (братьев великого князя, составленный в том же Выдубицком киевском монастыре при Рюрике); 3) семейный Летописец черниговского князя Святослава Ольговича и его сыновей Олега и Игоря Святославичей (доведен до 1198 г.); 4) княжеский Летописец Переяславля Южного, рассказывавший о военных подвигах Владимира Глебовича и доведенный до кончины князя – 1187 г. Из этого следует, что в XII–XIII вв. на юге Руси летописание систематически велось лишь в Киеве и Переяславле Южном. В Чернигове же существовали только семейные княжеские Летописцы.

Киевское летописание. С одной стороны, оно продолжало традицию Повести временных лет, с другой – утратило общегосударственный характер и превратилось в семейную летопись киевских князей. Оно велось непрерывно в течение всего XII в. Однако данными

о продолжении такой традиции после 1200 г. исследователи не располагают, хотя известно, что в Киеве в 1238 г. велась какая-то летопись.

Летописание Переяславля Южного. Зародилось оно в начале XII в. и велось вплоть до 1228 г. Начало его было, скорее всего, заложено уже упоминавшимся игуменом Сильвестром, переведенным на переяславскую епископию. Большинство исследователей полагает, что в Переяславле существовало два летописных центра – епископский (по крайней мере до 1187 г.) и княжеский.

Галицко-волынские летописи. Вероятно, еще в XII в. начинает вестись летописание в Галиче Волынском. К сожалению, галицко-волынские летописи за это столетие почти не нашли отражения в позднейших сводах. Тем не менее есть некоторые основания считать, что здесь систематически велись годовые записи. В конце XIII в. на их основе было создано цельное повествование, лишенное годовых обозначений. Считается, что автор его был светским человеком, возможно, из княжеской дружины. По стилю его рассказ напоминает произведения византийских «историков», не переведенные на древнерусский язык. Он-то и составил основу Ипатьевской летописи.

Летописание Северо-Востока. Источники изучения летописания русского Северо-Востока за XII–XIII вв. включают Радзивилловский (конец XV в.) и Московский Академический (XV в.) списки, восходящие к общему протографу (Радзивилловская летопись), Летописец Переяславля-Суздальского (список 60#х годов XV в.) и Лаврентьевский список 1377 г. При текстологическом сличении удалось выявить лежащие в их основе три Владимирских великокняжеских свода: 1177 г. (видимо, первая летопись, возникшая на Владимиро-Суздальской земле), 1193 и 1212 гг. Последний, в свою очередь, был положен в основу Летописца Переяславля-Суздальского, продолжившего его до 1215 г. Текст его сохранился только с 1138 г. Впоследствии эта летописная традиция была продолжена Летописцем ростовского князя Константина Всеволодовича и его сыновей (1207 г., с продолжением), а также Владимирским великокняжеским сводом Юрия Всеволодовича (1228 г., с продолжением до 1237 г.), объединенными впоследствии с Владимирским великокняжеским сводом Ярослава в своде 1239 г., написанном в Ростове, или же в великокняжеском своде 1281 г. Дмитрия Александровича. Основанием для их изучения служит текст Лаврентьевской летописи (с 1206 г.). Сопоставление Симеоновского (XVI в.) и Рогожского (середина XV в.) списков, а также реконструкция Троицкой летописи (начало XV в.) позволяют установить упомянутый великокняжеский Владимирский свод 1281 г., составленный в Переяславле-Залесском. Центральной идеей этого свода – в противовес Галицко-Волынскому своду конца XIII в. – было обоснование приоритета Владимирского княжества.

Владими́ро-сузда́льское летописание. Как самостоятельная ветвь оно берет свое начало с 1158 г., когда во Владимире-на-Клязьме начали вестись непрерывные местные записи при дворе Андрея Боголюбского. В 1177 г. они были объединены с отдельными летописными заметками Юрия Долгорукого в великокняжеский свод, опиравшийся, кроме того, на епископский южнорусский (переяславский) Летописец. Продолжением его стал летописный свод 1193 г., включивший материалы княжеского Летописца Переяславля Южного. В 1212 г. на его основе был создан лицевой (т. е. украшенный миниатюрами, копии которых сохранились в Радзивилловском списке) свод великого князя Владимирского. До этого летописание, видимо, велось при владимирском Успенском соборе. Теперь же летописный свод приобрел светские черты, что связывают с ухудшением отношений владимирского князя Юрия с епископом Иваном. Скорее всего, составление свода 1212 г. было поручено человеку, близкому великому князю. В дальнейшем в связи с монгольским нашествием и разорением Владимира летописание там затухает.

Ростовское летописание. Традиции Владимирских великокняжеских сводов продолжило ростовское летописание. Уже в начале XIII в. в Ростове создается местный княжеский

Летописец, во многом близкий владимирскому. В 1239 г. появляется продолжение великокняжеского Владимирского свода, вобравшего и известия Ростовского свода 1207 г.

Летописание Переяславля-Суздальского. Развивалась северо-восточная традиция летописания и в Переяславле-Суздальском. Опираясь на Владимирский свод 1212 г., переяславский князь Ярослав Всеволодович в 1215 г. создал свой Летописец. В 1281 г., в связи с переездом в Переяславль великого князя владимирского и митрополита Киевского и всея Руси, здесь создается великокняжеский свод 1281 г., после чего владимирское великокняжеское летописание угасает.

Центральной идеей, положенной в основу северо-восточной летописной традиции, была мысль о переходе центра Русской земли из Киева во Владимир-на-Клязьме.

Новгородское летописание. Источниками изучения новгородского летописания XII–XIII вв. служат Синодальный список (XIII – первая треть XIV в.) Новгородской I летописи (старший извод), а также списки Комиссионный (XV в.), Академический (вторая половина XV в.) и Троицкий (вторая половина XV в.), объединяемые в ее младший извод. Их анализ позволяет установить, что в Новгороде летописная традиция не прерывалась с середины XI до XVI в. Около 1136 г., видимо, в связи с изгнанием из Новгорода князя Всеволода, по указанию епископа Нифонта был создан Софийский владычный свод, переработавший новгородскую княжескую летопись, которая велась с середины XI в. Вторым его источником считается киевский Начальный свод 1096 г., легший в основу новгородского летописания. Возможно, в создании первого владычного свода принимал участие известный клирик Новгородской Софии Кирик. В начале XIII в. появляется новый владычный новгородский свод. Он завершается рассказом о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Параллельно с архиепископской кафедрой летописные записи велись в Неревском конце Новгорода, в церкви св. Иакова. После 1174 г. настоятель этой церкви Герман Воята (1144–1188) предпринял литературную переработку Софийского свода. При этом он использовал также какую-то южнорусскую летопись. Его работа была продолжена до конца XII в. безымянным летописцем, оставившим запись о смерти Германа. Наконец, к середине XIII в. относится летописная деятельность пономаря Тимофея, который упомянул о себе под 1230 г. На этом уличанская летописная традиция не прервалась. Возможно, сам Синодальный список – одно из ее звеньев.

1.1.4. Летописание XIV–XV веков. Зарождение общерусского летописания

К XIV в. относятся первые летописи, претендующие на охват истории всех русских земель (на самом деле они фиксировали, как правило, лишь события Северо-Восточной Руси).

Источниками для изучения зарождения общерусского летописания служат прежде всего Лаврентьевская и Троицкая летописи. Выяснить, как развивается общерусское великокняжеское летописание, позволяет сличение Тверского летописного сборника XVI в. (дошел в списках XVII в.), Рогожского летописца и Симеоновской летописи.

В связи с тем что в 1305 г. великим князем владимирским стал тверской князь Михаил Ярославич, центр великокняжеского летописания переместился в Тверь, где, видимо, еще в конце XIII в. начали вести летописные записи. Свод 1305 г., будучи общерусским сводом, включил не только местные, но и новгородские, рязанские, смоленские, южнорусские известия и имел антиордынскую направленность. Он стал основным источником Лаврентьевской летописи.

Продолжением этого свода стали новые общерусские летописные своды 1318 и 1327 гг., также созданные в Твери. Их следы дошли в составе более поздних московских летописей (Троицкой и Симеоновской). Кроме того, остатки тверского летописания

за первую треть XIV в. обнаруживаются в Тверском летописном сборнике и Рогожском летописце. В это время летописание в Твери ведется непрерывно, год за годом. В ходе работы над сводами 1318 и 1327 гг. тверские летописцы частично отредактировали текст предшествующего свода, дополнив его материалами по истории других русских земель.

Когда Иван Калита получил ярлык на великое княжение, зародившаяся в Твери традиция общерусского летописания перешла в Москву. Приблизительно в 1389 г. здесь создается «Летописец великий русский». Он не сохранился до нашего времени, но его материалами воспользовался составитель Троицкой пергаменной летописи. Однако, как известно, та погибла в московском пожаре 1812 г. Восстановить состав и содержание нового великокняжеского свода позволяет обращение к текстам Рогожского летописца, Симеоновской и Никоновской летописей. В них сохранились сообщения за 1306–1408 гг., восходящие к местным летописным традициям Твери, Суздаля, Ростова, Смоленска, Рязани и Новгорода Великого, входившие в состав Летописца 1389 г. В Москве при князе Юрии Даниловиче летописных записей, видимо, не велось. Следы подобной работы отмечаются при московском княжеском дворе только с 1317 г. Чуть позднее появляются признаки летописания, которое велось при митрополичьей кафедре, перенесенной за год до того в Москву. Судя по всему, с 1327 г. при митрополичьем дворе непрерывно ведется единая летопись. Она гораздо внимательнее к переменам на митрополичьем престоле, а не на великокняжеском. Тем не менее новый свод имел характер не собственно митрополичий, а великокняжеско-митрополичий. Он, видимо, и получил название «Летописца великого русского». Следует, однако, отметить, что взгляд московского летописца оказался значительно уже кругозора составителей тверских великокняжеских сводов.

С именем митрополита Киприана связывается появление идеи создания нового летописного свода, включающего историю русских земель, входивших в русскую митрополию, с древнейших времен. Он призван был включить материалы всех местных летописных традиций, в том числе записи по истории Великого княжества Литовского. Таким первым общерусским митрополичьим сводом стала Троицкая летопись 1408 г., отразившаяся преимущественно в Симеоновском и некоторых других списках, а также в примечаниях Н. М. Карамзина (давшего ей общепринятое ныне название) к «Истории государства Российского». Свод 1408 г. был составлен в Троицком монастыре или в Москве. Его характерная черта – отсутствие централизаторских и антиордынских тенденций.

После нашествия Едигея и в связи с последовавшей затем борьбой за московский престол между наследниками Дмитрия Донского центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь. В 30-х годах XV в. (по последней датировке Я. С. Лурье – в 1412 г.) здесь появляется новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце, Никоновской и (опосредованно) Симеоновской летописях.

Однако задача создания подлинно общерусской (в рамках Московской Руси) летописи была решена лишь в XV столетии. Важным этапом на этом пути стало составление свода 1418 г. (прежде традиционно датировался 1448 г.), который лег в основу большой группы летописных списков, объединяемых в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Новый свод представлял собой коренную переработку свода 1408 г. с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов. Он имел общерусский характер и своим происхождением был по-прежнему обязан митрополичьему окружению. Под пером составителя свода 1418 г. идея необходимости объединения московских земель с Ростовом, Суздалем, Тверью и Новгородом Великим для совместной борьбы с «погаными» впервые приобрела подлинно общерусское звучание.

Свод 1418 г. не дошел до нас в первоначальном виде. Возможно, это связано с тем, что он поневоле – в силу времени своего создания – имел компромиссный характер, подчас парадоксально объединяя московскую, тверскую и суздальскую точки зрения.

Тем не менее он лег в основу практически всех общерусских летописей последующего периода, так или иначе перерабатывавших его (прежде всего Софийской I и Новгородской IV летописей).

Местное летописание XIV–XV веков

Ростовское (или суздальское) летописание. Оно сохранилось в составе летописного свода первого десятилетия XV в., завершающего Московско-Академическую летопись (XV в.). В его основе лежат источники, общие с Радзивилловской (до 1206 г. – предположительно Летописец ростовского князя Константина Всеволодовича) и Софийской I летописями. Окончание же его представляет краткую летопись, уделяющую особое внимание Ростову и ростовским, а также суздальско-нижегородским князьям. Это позволяет сделать вывод о том, что летописный свод, завершающий Московско-Академическую летопись, был составлен в Ростове или Суздале. Однако существование длительной и непрерывной традиции ростовского владычного летописания представляется сомнительным. Подтверждением этого служит и то, что в 80#х годах XV в. оппозиционные центру ростовские летописцы вынуждены были основывать свою работу на московских летописях.

Новгородское летописание. Оно представлено Новгородской I летописью, старший извод которой был доведен до середины XIV в. Он дошел до нас в единственном Синодальном списке, начало которого (до 1016 г.) утрачено. В младшем изводе, представленном Комиссионным, Академическим (середина XV в.) и Троицким (XVI в.) списками, а также поздними копиями Академического списка XVIII и XIX вв., отразилось летописание Новгорода Великого второй половины XIV в. и начала XV в.

Псковское летописание. Оно включает ряд списков, объединяемых в летописи Псковскую I (первоначально доходила до 1469 г.; представлена списками Тихановским XVII в., Архивским I конца XVI в. и др.), Псковскую II (представлена оригиналом – единственным Синодальным списком середины 80#х годов XV в. и доведена до 1486 г.) и Псковскую III (представлена списками Строевским середины XVI в. и Архивским II середины XVII в.; изложение выходит за пределы XV в., а в Архивском II – даже включает начало XVII в.). В основе трех летописей лежал общий псковский протограф, датируемый 80#ми годами XV в.

Белорусско-Литовское летописание. Оно связано с традицией ранних московских общерусских сводов, представленных Троицкой и Симеоновской летописями. Белорусская I летопись представлена Никифоровским, Супрасльским, Слуцким и Академическим списками. Это сложный по составу сборник, включающий «Летописец великих князей Литовских» и «Избрание летописания изложено вкратце». Последний источник составляют заимствования из Новгородской IV (до 1309 г.), Софийской I (за 1385–1418 гг.) и Троицкой (1310–1385) летописей. В заключительной части Белорусская I летопись представляет собой своеобразное продолжение Троицкой летописи или ее протографа.

Изучение истории XIV в. серьезно затруднено тем, что свидетельства о ней весьма неполны и фрагментарны. При крайней бедности общерусского летописания до конца XIV в. особое значение приобретает единственная современная этим событиям местная летопись (доведенная, к сожалению, только до середины XIV в.) – Новгородская I старшего извода (Синодальный список). Лишь обращение к источникам других видов в какой-то степени позволяет восполнить отсутствие сведений по этому периоду. Тем не менее остается множество вопросов, решение которых вообще едва ли возможно. Недостаток фактических данных сказывается самым серьезным образом на качестве и глубине исследования проблем, связанных с историей XIV в.

1.1.5 Летописные своды конца XV–XVI веков. Общерусское официальное летописание

Начало общерусского летописания великих князей московских, заложившего основы официального летописания XVI в., относится ко второй половине XV в.

На основании сопоставления Ермолинской летописи с летописями Архивской (или Ростовской, XVII в.), Симеоновской и Воскресенской (обе XVI в.), а также так называемым двухтомным Лондонским списком (XVI в.) выявлен гипотетический протограф, который лежал в их основе. Его состав уточняется при обращении к Музейскому (конец XV – начало XVI в.) и Воронцовскому сборникам, а также летописям Лавровского, Вологодско-Пермской (конец XV – середина XVI в.) и Никаноровской. В них сохранился текст краткого летописца, который считают самой ранней редакцией московского великокняжеского летописания. По ряду косвенных данных удалось установить, что она была составлена приблизительно в 1472 г. и основывалась на своде 1418 г. В ней была закреплена московская традиция освещения событий русской истории (в том числе обстоятельств феодальной войны второй четверти XV в.), которая проникла затем во все общерусские летописи. Наиболее непосредственное отражение Московский свод начала 70#х годов XV в. нашел в Воронцовском и Музейском сборниках, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, а также в списке Лавровского (конец XV в.). При этом наиболее ранняя его версия (до мая 1472 г.) сохранилась в первых двух списках, тогда как общий источник Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей представлял собой более позднюю (осень 1472 г.) обработку свода, легшего в основу летописи Лавровского.

Следующими этапами великокняжеского летописания стали своды 1477 и 1479 г. От свода 1477 г. сохранилась лишь заключительная часть в так называемом «Летописце от 72 язык». О начальной его части можно судить только предположительно – на основании текста свода 1479 г. Последний дошел до нас целиком (до статьи 6926 г.), но в измененном виде. Он восстанавливается по поздним Уваровскому (XVI в.), Архивскому (XVII в., так называемая Ростовская летопись) и Эрмитажному (XVIII в.) спискам. В последнем он сохранился в неизменном виде. В Уваровском списке Московский летописный свод 1479 г. имеет продолжение до 7000 (1492) г.

К числу источников свода 1479 г. следует отнести свод 1477 г., особую редакцию свода 1418 г. (в которой были устранены компромиссные тенденции последнего), Ростовский свод начала XV в. (отразившийся в Московско-Академической летописи) и Новгородский свод, близкий Новгородским I и IV летописям. Обработка свода 1418 г. не могла проводиться при митрополичьем дворе, поскольку из повествования были исключены в основном библейские цитаты и религиозные сентенции. Официозный и светский характер обработки позволяет характеризовать новую редакцию как памятник великокняжеского летописания. Видимо, традиция создания митрополичьих общерусских сводов на время угасает.

В своде 1479 г. были усилены антилатинская и антиновгородская тенденции, что объясняется историческими условиями, в которых он составлялся, однако систематической переработки предшествующего изложения в духе современных ему политических воззрений, которой отличаются последующие московские своды XVI в., не проводилось. Впоследствии текст этого свода лег в основу всего официального общерусского летописания – великокняжеского и царского. Он отразился в списках Погодинской, Мазуринской, Симеоновской, Новгородской IV (V), Софийской I, Софийской II и Львовской летописей, а также в основных сводах XVI в.: Воскресенской, Иоасафовской, Никоновской и других летописях. Кроме того, фрагменты свода за 80–90#е годы XV в. были включены в неофициальные своды.

Московский летописный свод конца XV в. представляет собой развернутые сообщения о важнейших актах великокняжеской политики, великокняжеской семье, строительстве

в Москве и других городах и т. д. Практически все оценки, приведенные здесь, имеют вполне официальный характер, оправдывая действия великого князя московского.

Некоторые расхождения, встречающиеся в параллельных текстах этого свода, дали основание для предположения о существовании двух его редакций. Первая из редакций отразилась в Музейском списке, Софийской I летописи по списку Царского, Погодинской летописи, вторая – в Симеоновской, Мазуринской и сходных с ними летописях. Первая редакция была составлена после событий 1494 г., связанных с какой-то политической интригой, в которую оказалась замешана Софья Палеолог. Характер и время составления второй редакции уточняются на основе сопоставления Новгородской Уваровской летописи и Новгородского летописного свода 1539 г. (Новгородская IV летопись по списку Дубровского, Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, вторая часть так называемой Ростовской летописи) с сообщениями Софийской I летописи по списку Царского. Скорее всего, великокняжеский свод в новой редакции завершался статьей 7008 (1500) г.

Следующая по времени редакция великокняжеского свода была доведена уже до 7017 (1508) г. Она была связана с завершением борьбы Василия III за престол. Свод 1508 г. отразился в заключительной части Софийской I летописи по списку Царского.

С начала XVI в. на Руси существует уже только одна общерусская летописная традиция, связанная с великокняжеской канцелярией. Летописи XVI в. почти никогда не расходятся между собой в оценках и характеристиках. Они отличаются полнотой и имеют сугубо официальный характер, послушно реагируют на изменения в государственной политике.

* * *

С первых десятилетий XVI в. вновь активизируется митрополичье летописание. В 1518 г. появляется новый свод, лежащий в основе Софийской II и Львовской летописей, а также Уваровского вида «Летописца от 72 язык». Скорее всего, это был официальный свод, полностью лояльный к властям. Составлен он был в церковной среде, возможно, при митрополите Варлааме. Ряд критических замечаний, высказанных составителем свода в адрес митрополитов Филиппа и Геронтия, позволяет сомневаться в его официальном характере. В основу свода 1518 г. были положены великокняжеское летописание первых десятилетий XV в. и неофициальный ростовский свод 1489 г., расширенные материалами митрополичьего архива. Наряду с ними одним из важнейших источников свода 1518 г. стал особый церковный свод 80#х годов XV в., оппозиционный великокняжеской власти.

Важным этапом в завершении унификации русского летописания под эгидой Москвы стала Никоновская летопись. Она составлена в конце 20#х годов XVI в. в Москве, при дворе митрополита «всея Руси» Даниила Рязанца (1522–1539). Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. Его оригинал – список Оболенского, наличие которого позволило уточнить датировку и место составления свода, установить скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г., на котором подверглись осуждению взгляды нестяжателей на церковное землевладение. Основными источниками Никоновского свода были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (так называемая Новгородская Хронографическая) и Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский хронограф. В числе источников Никоновского свода называется также Западно-русский хронограф середины 50#х годов XVI в. Кроме того, в состав Никоновской летописи вошел целый ряд литературных произведений: переводы Максима Грека, сборник слов и поучений митрополита Даниила, копия книги московской митрополичьей кафедры, несколько слов и сказаний. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, часть из которых уникальна.

Использование многочисленных источников, в том числе неизвестных, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода. Особенно это касается «избыточных» сведений. Тем не менее Никоновская летопись – один из важнейших источников по истории русского Средневековья.

Между 1542 и 1544 гг. была составлена Воскресенская летопись – официальная летопись первой половины XVI в. Следует отметить, что помимо великокняжеского летописания конца XV – начала XVI в. ее создатели пользовались Ростовским сводом 80#х годов (отразился в Типографской летописи) и внелетописными памятниками. В частности, в нее было включено «Сказание о князьях владимирских» (20#е годы XVI в.), объединившее легенды о происхождении русской великокняжеской династии от римского императора Августа через легендарного Пруса (якобы родственника Рюрика) и о Мономаховых регалиях, которые будто бы были посланы византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Всеволодовичу. В первоначальных (несохранившихся) редакциях она доходила до 30#х годов XVI в. Позднейшие редакции были доведены сначала до 1541 г., а затем до 1560 г. В основу изложения Воскресенской летописи положен Московский летописный свод 1508 г.

К концу 50#х годов XVI в. относят появление «Летописца начала царства», составленного, видимо, при непосредственном участии А. Ф. Адашева. Он охватывает небольшой период (с 1533 по 1556 г.) и освещает преимущественно две темы: укрепление «самовластия» Ивана IV и присоединение Казани. Основные идеи Летописца близки официальным идеологическим установкам начального периода правления Ивана Грозного. Существенно отредактированные тексты Летописца были использованы при составлении последних двух томов Лицевого свода.

Никоновская и Воскресенская летописи представляют вполне оформившуюся единую русскую официальную летописную традицию. Эти качества и определяют прежде всего характер и трактовку сохранившихся в них сведений, следовательно, и отношение к ним со стороны историка, изучающего по этим летописям историю конца XV – первой половины XVI в. В таком унифицированном виде общерусское летописание просуществовало до 60#х годов XVI в., пока резкие перемены в годы опричнины не привели сперва к срочной переработке официальной летописи, а затем и к полному ее прекращению.

В начале 60#х годов XVI в. только что составленный новый список Никоновской (Патриаршей) летописи был привлечен для создания «Степенной книги царского родословия» – своеобразного литературно-исторического произведения, само появление которого свидетельствовало об определенных изменениях в подходе к историческому материалу и угасании летописного жанра. Составленная в окружении митрополита Макария (возможно, митрополитом Афанасием), «Степенная книга...» объединила летописные тексты с агиографическими и дополнила их устными преданиями. Название книги происходит от того, что текст ее разбит на 17 «степеней» (ступеней), по которым двигалась история Русской земли. Основная ее идея – представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков. Тенденциозность ее создателя повлияла на точность и достоверность изложения исторического материала, а потому источниковедческая ценность приводимых в ней сведений крайне низка. «Степенная книга...» оказала большое влияние на последующие исторические и публицистические произведения.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России стал так называемый Лицевой свод Ивана Грозного (иллюстрированная редакция Никоновской летописи). Эта «историческая энциклопедия XVI в.» (А. Е. Пресняков) включала десять томов, почти каждая страница которых украшена миниатюрами (всего более 16 тыс. миниатюр). Три первых тома посвящены всемирной истории, а последующие семь – русской. Они создавались в царской книгописной мастерской при соборном храме Покрова Богоро-

дицы в Александровской слободе в течение почти целого десятилетия: с 1568 по 1576 г. Сложность изучения Лицевого свода, в частности, определяется тем, что в настоящее время его тома хранятся в разных рукописных хранилищах страны: Хронограф ГИМ (Музейский сборник), Синодальная летопись («Никоновская с рисунками») и Царственная книга – в Рукописном отделе Государственного исторического музея (Москва); Хронограф БАН и два тома Древнего летописца («Остермановский летописец») – в Библиотеке академии наук (Санкт-Петербург); Хронограф ГПБ, Голицынский, Лаптевский и Шумиловский тома – в Национальной публичной библиотеке (Санкт-Петербург). Все они представляют собой единое целое и освещают историю от сотворения мира до 7075 (1568) г. Том, содержащий начальную русскую историю, изложение которой начинается с событий 6622 (1114) г., отсутствует. Последние два тома – Синодальная летопись и Царственная книга – включают две редакции описания одних и тех же событий, связанных с началом царствования Ивана I V. В обоих томах на полях присутствуют скорописные редакторские записи. Это послужило основанием для популярной в свое время гипотезы Д. Н. Альшица о двукратном редактировании их самим царем. Однако впоследствии удалось доказать, что редактировался том лишь однажды, но при переплетении черновые и перебеленные листы оказались перемешанными: часть листов Синодальной летописи попала в Царственную книгу.

Очевидно, что по завершении работы над последней – наиболее злободневной – частью свода она была представлена на рассмотрение царю и вызвала его неудовольствие. Первоначальный текст был «отрецензирован» прямо в готовом варианте рукописи с уже выполненными в чернильном очерке, но не иллюминированными миниатюрами. Приписки внесены в первой половине 70#х годов XVI в. и основывались, несомненно, на каких-то письменных источниках. Сохранившиеся пометы редактора Лицевого свода дают полное представление о том, как работа летописцев и миниатюристов контролировалась заказчиком (в качестве которого, очевидно, выступал сам царь) во второй половине XVI в.: не только указывалось, как описывать или изображать то или иное событие, но и давались тексты, которые следовало внести в летопись (например, только из редакторских помет известно о так называемом боярском мятеже во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.). Эти приписки – важный источник по истории политической борьбы XVI в. Основным и непосредственным источником для русских статей Лицевого свода стал список Оболенского Никоновской летописи: на его полях имеются восковые отметки точно в тех местах, где в Лицевом своде расположены миниатюры. В качестве дополнительных источников использовались Воскресенская и Новгородская IV летописи, Степенная книга и «Летописец начала царства». Хронографическая часть Лицевого свода опиралась на Чудовский и Академический виды Еллинского летописца II редакции, дополненные текстами Русского хронографа, «Хроники Георгия Амартола» (возможно, в составе Еллинского хронографа I редакции), а также «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Причины прекращения работы над Лицевым сводом неизвестны. Лицевой свод стал последним общерусским сводом. После него летописная традиция угасает. И хотя в XVII – первой половине XVIII в. продолжают вестись местные и частные записи, внешне напоминающие летописи, они уже не могут дать и не дают общей картины истории страны.

Не исключено, что летописи зародились и бытовали как своеобразные «книги жизни», которые должны быть предъявлены на Страшном суде. Они составлялись начиная с 30#х годов XI в. непосредственно накануне конца времен (который пытались более или менее точно рассчитать) в качестве официального доказательства раскаяния того или иного лица в совершенных им грехах либо, наоборот, подтверждения его греховности и «окаянности». Если это так, то становится ясным, почему по истечении 7000 (1492) г., когда эсхатологические ожидания на Руси достигли кульминации, летописание довольно резко меняет свой характер, а после 7077 (1569) г., в котором видели последнюю ближайшую дату наступ-

ления конца света, вообще прекращается. Тогда поддаются объяснению и даты, избранные для составления новых летописных сводов и их редакций: большинство из них соответствуют предполагаемым датам второго пришествия (годы совпадения Благовещения и Пасхи – так называемая кириопасха, а также рассчитанные по тем или иным основаниям, на которых здесь нет нужды останавливаться, 1037–1038, 1492, 1499, 1562 гг. и др.). Возможно, с этим связано и особое отношение к летописям. Известно, например, что Никоновская и другие летописи, «написанные и хранимые в секрете» (Дж. Горсей), наряду с прочими сокровищами составляли часть царской казны и, видимо, рассматривались как государственное достояние. Впрочем, эта гипотеза не исключает возможности иных мотивов составления того или иного летописного свода.

Общерусское неофициальное летописание

Наряду с официальным общерусским летописанием со второй половины XV в. появляются своды, составлением которых занимались частные лица.

Эти летописи не имели официального характера и подчас противостояли сводам великокняжеским.

Один из примеров независимой местной традиции дает Ермолинская летопись (составлена в XV в.; список начала XVI в.). В ряде случаев она приводит оригинальные сведения. Ее сопоставление с текстами близких ей сокращенных сводов (Погодинского, Мазуринского и Соловецкого видов Сокращенного летописного свода 1493 г. – всего 13 списков), а также Устюжского летописца позволяет говорить о том, что все они восходят к общему протографу – севернорусскому своду 70#х годов XV в., созданному, по всей видимости, в Кирилло-Белозерском монастыре. Наряду с московским великокняжеским летописанием (Московские своды 1472 и 1479 гг.) его основу составили новгородские летописи и какой-то ростовский или суздальско-ростовский источник. Составление севернорусского свода именно в Кирилловском Белозерском монастыре подтверждается несколькими аргументами. Не будучи официальной летописью ростовских архиепископов, он демонстрирует повышенный интерес к истории северных, заволжских районов Ростово-Суздальской земли, где и был расположен монастырь. Наконец, его текст был использован при составлении в Кирилло-Белозерском монастыре сокращенного «Летописца русского» XV в. и кратких летописчиков XV–XVI вв.

Неофициальный характер Кирилло-Белозерского свода 70#х годов XV в. (он не был даже официальным сводом монастыря) позволял его составителям высказывать независимые суждения о политике великого князя, поддерживать опальных политических и церковных деятелей (например, ростовского архиепископа Трифона, московского воеводу Федора Басенка и др.), критически отзываться о ярославских чудотворцах. Несмотря на, казалось бы, частный характер, данный свод на самом деле был общерусским. Об этом говорит круг источников, использованных его составителями, и широта затрагиваемой в нем тематики. Именно благодаря общерусскому характеру он получил широкое – хотя, естественно, неофициальное – распространение.

Другим примером местного независимого летописания выступает неофициальный свод 1489 г., составленный в кругах, близких ростовской архиепископской кафедре. Он восстанавливается при сличении Типографской летописи с Софийской II и Львовской летописями. Особая роль в его реконструкции отводится Типографской летописи, известной в десяти списках. Они объединяются в две редакции: более ранняя отражена в Академическом и близких ему семи списках, а более поздняя – в Синодальном и подобном ему Библиотечном. Источниками для этого гипотетического свода послужили Московский свод 1479 г., два неизвестных источника, близких Лаврентьевской летописи (причем один из них описывал ростово-суздальские события, не известные другим источникам), и, вероятно,

записи, которые велись при ростовской владычной кафедре. Эта летопись была независима, но вполне лояльна к московской великокняжеской власти. Именно руке ростовского летописца, видимо, принадлежит целый ряд рассказов, включенных в общерусские своды (в частности, о стоянии на Угре). В конце XV – начале XVI в. этот свод был отредактирован в кругах, близких к ростовскому архиепископу Тихону. Возможно, именно в это время в него были включены фрагменты великокняжеской летописи.

Одним из источников уже упоминавшегося митрополичьего свода 1518 г. был особый свод 80#х годов XV в. Представление о его составе и характере можно получить, убрав из совпадающих текстов Софийской II и Львовской летописей сообщения, близкие Ермолинской летописи и сокращенным летописным сводам конца XV в. В результате остается ряд оригинальных известий, нигде более не упоминающихся. Дата его составления не поддается уточнению (последнее известие датируется 1483 г.). Скорее всего, он был создан в московских церковных кругах, близких митрополиту Геронтию. Этот свод отличается резко критическим отношением к великокняжеской власти, однако вряд ли он был официальной митрополичьей летописью.

Неофициальный московский свод 80#х годов XV в. и ростовский свод 1489 г. были последними памятниками независимого летописания. Скорее всего, они составлялись в каких-то монастырях, а не в митрополичьей или архиепископской канцеляриях. Их оппозиционность московским властям вызвала противодействие со стороны великого князя. С конца XV в. независимое общерусское летописание было прекращено.

Местное летописание

Помимо общерусского летописания и параллельно с ним в конце XV–XVI в. продолжали вестись местные летописи.

Так, в самом конце XV – начале XVI в. при дворе пермского епископа Филофея был создан Вологодско-Пермский свод. В 1520#х и 1550#х годах на его основе были составлены еще два местных свода. В середине XVI в. появляется Холмогорская летопись, доведенная первоначально до 1558 г. Впоследствии она была продолжена текстом краткого холмогорского летописца, изложение которого доходило до 1659 г. Отдельные сообщения Холмогорской летописи восходят к Летописцу Федора Ярославского XIII в.

К 1499 г. относят завершение первой устюжской летописи. Отдельные разрозненные записи, которые велись в Успенской церкви Устюга Великого с конца XIII в., к концу XV в. были сведены в последовательный рассказ о местных событиях. С этого времени летописная традиция Устюга существовала с перерывами в течение трех веков. Первая сохранившаяся устюжская летопись – свод первой четверти XVI в. (последняя запись относится к 1516–1517 г.), дошедший в списках XVII–XVIII вв. Кроме местных, он содержит общерусские, ростовские и новгородские известия. Устюжский свод относится к типу общерусских провинциальных летописей. Это независимый свод, созданный, возможно, для того, чтобы обосновать близость с Москвой и неподвластность Устюга ростовским князьям. В нем встречаются критические замечания, относящиеся не только к великокняжеским воеводам, но и к самому государю. Устюжская летопись использовалась при подготовке Никоновского свода. Существование в XVI в. только одной общерусской летописной традиции во многом затрудняет изучение политической истории того времени – этот пробел лишь частично удается заполнить с помощью иных дошедших до нашего времени исторических источников.

1.1.6. Летописание и другие исторические произведения XVII века

В 1612–1615 гг. появился Пискаревский летописец (известен в единственном списке 40#х годов XVII в.). Судя по всему, он был составлен московским печатником, проживавшим в Нижнем Новгороде (Никитой Федоровичем Фофановым или Арсением Элассонским),

либо приказным дьяком Нечаем Перфильевым. Изложение в Летописце охватывает события 1533–1615 гг. и дополнено приписками 1625–1645 гг. Составитель опирался на летописи типа Никоновской и Воскресенской. Кроме того, он пользовался неизвестными нам источниками, устными преданиями, слухами, сплетнями, воспоминаниями современников. Ряд последних записей сделан по личным наблюдениям. Пискаревский летописец можно отнести к летописям лишь по формальным признакам. Источник имеет компилятивный характер и интересен прежде всего оригинальными сведениями.

Самым крупным летописным произведением XVII в. стал Новый летописец. Он охватывает сравнительно небольшой период: от конца царствования Ивана Грозного до поставления на патриаршество Филарета (1619). Новый летописец был создан при патриаршем дворе, в окружении митрополита Филарета, в 20#х – начале 30#х годов XVII в. с целью дать историко-политическое обоснование воцарению Романовых. Новый летописец – один из наиболее авторитетных и информативных источников по истории Смуты и гражданской войны в России начала XVII в.

В конце 30#х годов (около 1637 г.) материалы Нового летописца были соединены с Никоновской летописью, «Повестью о честном житии» царя Федора Ивановича (отличающейся в оценках от Нового летописца), а также «Сказанием о Магмете-салтане» Ивана Пересветова. Основной переработке подверглись тексты Никоновской летописи, повествующие о взятии Константинополя турками в 1453 г. Компиляция представляла собой фактически новую редакцию Никоновской летописи. Она составлена, скорее всего, в Троице-Сергиевом монастыре и имеет ярко выраженную церковную направленность. Это Троицкая редакция Никоновской летописи 30#х годов XVII в., известная в семи списках XVII–XVIII вв. Впоследствии она неоднократно использовалась при создании компиляций, соединявших летописные материалы с выписками из хронографов и других источников. В качестве примера можно привести Хронограф Арсения Суханова (Троицкий сборник) 50#60#х годов XVII в.

В начале 30#х годов XVII в. в Западной России был составлен Бельский летописец, который сохранился в единственном списке середины XVII в. Его появление связывают с кругами местного служилого дворянства. Начало и конец летописца утрачены. Сохранились известия только за 1598–1632 гг. Текст основывается на устных рассказах, записях дворян Бельского и соседнего уездов, местных летописцах, сказаниях и собственных воспоминаниях составителя и представляет собой важный источник изучения Смутного времени.

Вместе с тем в XVII в. продолжает развиваться, хотя далеко не так активно, как прежде, патриаршее летописание. Оно представлено Патриаршим летописцем – грандиозной летописной компиляцией, подготовленной в Казенном патриаршем приказе в 70#х годах XVII в. В нее вошли материалы Никоновской летописи, Троицкого сборника, Новгородского свода 1539 г., Хронографа 1617 г., Нового летописца, а также отдельные фрагменты из других источников («Космографии», «Хроники» Иоахима Бельского, Степенной книги, неизвестной псковской летописи). Церковное происхождение свода, как и его связь с патриаршей канцелярией, не вызывают сомнения. В нем получили дальнейшее развитие основные идеи митрополичьего летописания предшествующих веков: защита православия, обоснование союза светской и духовной властей и т. п. Одновременно свод был своего рода справочником и заменял учебную литературу.

В 1679–1680 гг. появился на свет новый Устюжский летописец. По спискам XVIII в. удалось восстановить его состав и общий характер. В основу изложения была положена Устюжская летопись первой четверти XVI в., дополненная устными преданиями. Этот летописец имел светский характер. Основное место в нем отведено описаниям военных походов, в которых принимали участие устюжане. При этом всячески подчеркивается преданность жителей Устюга московскому правительству. Видимо, причиной составления нового Устюжского летописца стало выделение церкви Устюга Великого из Ростовской епархии и образо-

вание самостоятельной Великоустюжской и Тотемской архиепископии. Аналогичные причины (образование в 1682 г. Холмогорской архиепископии) вызвали подготовку Двинского летописца. Он должен был служить своего рода исторической справкой о вновь образуемой епархии.

Особое место среди летописных источников занимают сибирские летописи XVII в. (Есиповская, Строгановская и Кунгурская), восходящие к недошедшему «Написанию, како приидоша в Сибирь...». «Написание...» повествовало о походе Ермака и было составлено, вероятно, еще в конце XVI в. кем-то из полковых казацких писарей. Сибирские летописи часто рассматриваются как особые редакции «Написания...» и лишь условно могут относиться к летописному жанру. Это, скорее, исторические повести, имеющие разбивку на годы.

Крайне редко историки привлекают в качестве источника Синописис Иннокентия Гизеля, изданный в 1674 г. Это была первая попытка написать единую историю «славяно-русского народа», происходившего из Киевской Руси. Синописис был составлен в Киеве и отражал очень важную тогда для Украины тенденцию единства с Россией. Подобно поздним летописям, он имеет компилятивный характер. Его создатель опирался на Густынскую летопись, «Историю Польши» Яна Длугоша (третья четверть XV в.), «Кронику» Мацея Стрыйковского (1582) и «Церковные анналы» римского кардинала Цезаря Барония (начало XVII в.). Исторической концепции И. Гизеля присущи архаические представления. Общая тенденция Синописиса заставляла его создателя дополнять русскую историю совершенно невероятными подробностями и исключать все, что не соответствовало его взглядам. Синописис приобрел большую популярность как в России, так и на Украине. Он неоднократно издавался (последний раз – в 1861 г.). Значение Синописиса как исторического источника еще не до конца оценено историками.

1.1.7. Хронографы

На смену летописям пришли иные исторические произведения. Особую популярность и авторитет в XVII в. приобрели хронографы (гранографы). Это поэтапное изложение всемирной истории от сотворения мира. Они представляли собой или переводы греческих хроник, или собственно древнерусские компиляции, включающие выдержки из Священного Писания, греческих хроник и русских летописей. И те и другие получили широкое распространение еще в Древней Руси. Первые переводы византийских хронографов (их принято называть хрониками, чтобы отличать от русских компилятивных хронографов) – Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкелла – стали известны еще в XI в. На их основе была составлена первая русская историческая компиляция – Хронограф по великому изложению. Кроме Начального свода 90#х годов XI в., к нему восходят хронографические палеи и Толковая Палея, Троицкий хронограф и так называемый Еллинский летописец второй редакции. «Великим изложением», очевидно, называлась «Хроника Георгия Амартола», на которую прежде всего опирался составитель Хронографа. Кроме того, в него вошли фрагменты из VII и IX книг «Хроники» Иоанна Малалы, некоторые апокрифы и фрагменты неустановленного источника, повествовавшего об Иудее в эпоху римского владычества. Хронограф по великому изложению представлял собой краткий конспект всемирной истории, однако в центре внимания его составителя (или составителей) была священная и церковная история.

Не позднее середины XIII в. был создан хронографический свод, опиравшийся на VI–X книги «Хроники» Иоанна Малалы и дополненный фрагментами из библейских книг, «Александрии», а также «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Традиционно его принято называть Иудейским хронографом. К нему восходят сохранившиеся списки Архивского и Виленского хронографов.

Видимо, еще в XIII–XIV вв. появились Еллинский (архетипная, или первая, редакция) и Троицкий хронографы. Более точной датировке они не поддаются, поскольку составлены из заведомо более древних источников и лишены внутренних датирующих признаков. Троицкий хронограф не имеет четкой композиции. По существу, это расширенная редакция Хронографа по великому изложению. В основе же Еллинского хронографа лежат полные тексты хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, а также ветхозаветных III и IV Книг Царств. По принципам составления и структуре он близок Иудейскому хронографу и отражает начальную стадию развития древнерусской хронографии. Помимо указанных источников оба хронографа в разных комбинациях использовали библейские Книгу пророка Даниила с толкованиями римского епископа Ипполита, Книгу пророка Иеремии, а также «Сказание о Софии Цареградской», «Житие свв. Константина и Елены» и другие памятники.

Следующим хронографическим сводом был Еллинский летописец второй редакции, созданный в середине XV в. (дошли девять списков XV–XVI вв.). Его составитель продолжил изложение «Хроники Георгия Амартола» до 1391 г., включив в число источников краткий перечень византийских императоров, известный по сборникам начиная с XV в., и летопись, близкую к московскому своду 1418 г. Текст был дополнен сведениями по истории церкви, заимствованными из разных источников. Эта редакция уже представляет цельный текст, имеющий связное изложение. Все повествование разбито на краткие статьи, соответствующие периодам правления того или иного царя или императора. Тем самым была заложена основа структуры Русского хронографа.

Он был составлен на рубеже XV–XVI вв. Древнейший вид Русского хронографа представлен Хронографом 1512 г. Помимо всемирной истории в него вошло значительное число известий, касающихся русской истории (в основном заимствования из Сокращенных сводов конца XV в.). Видимо, это было связано с оформлением идеи провозглашения Руси третьим Римом. В композиционном и стилистическом отношении это удивительно гармоничное и стройное произведение, хотя и отразившее замыслы и вкусы нескольких поколений древнерусских книжников. Основной задачей его составителей было, видимо, создание своеобразной исторической энциклопедии, так сказать, научного труда.

Хронограф 1512 г. получил широкое распространение. Выявлено более 130 его списков XVI – первой трети XVIII в. Он был использован при составлении Лицевого летописного свода, а также более поздних редакций Русского хронографа.

В Хронографе Западнорусской редакции отсутствует вся библейская история, история стран Востока и Руси. Зато он имеет обширное продолжение, излагающее по «Хронике всего мира» Мартина Бельского историю западноевропейских и западнславянских государств с XI в. по 1527 г., дополняющее уже существующий Никоновский свод.

Хронограф Пространной редакции не сохранился. Известны лишь восходящие к нему списки Хронографа 1599 г. и Хронографа 1601 г. Основная задача, которую ставили перед собой его создатели, – не изменяя основы, расширить объем излагающейся информации. В этой редакции достаточно ясно прослеживается процерковная тенденция.

Расцвет хронографического жанра относится к XVII в. Созданные в первой четверти столетия редакции 1617 и 1620 гг. разных типов, многочисленные «хронографы особого состава» постепенно вытеснили хронографы XVI в. и почти полностью заменили собой летописи.

Содержание хронографов не исчерпывается изложением исторических событий. В них содержатся сведения естественно-научного характера, изложение произведений античной литературы, выдержки из святоотеческих произведений, христианские апокрифы, агиографические данные. Хронографические материалы редко учитываются историками. Между тем верное понимание летописных сообщений зачастую невозможно без обращения

к хронографическим компиляциям, которыми пользовались летописцы, заимствуя из них сюжеты, образы и характеристики.

1.2. Законодательные источники

Одна из важнейших функций государства – право формулировать новые нормы жизни общества, издавать законы. Система законодательства непосредственно отражает деятельность государственных институтов по осуществлению этой функции. Именно поэтому изучение политической истории невозможно без изучения документов, зафиксировавших совокупность всех правовых норм, действующих в государстве и регулирующих отдельные сферы социальных отношений. Политико-юридическая система, которую представляет собой законодательство, – наиболее общая форма социального контроля поведения человека. Личные связи индивида (прежде всего его отношения в семье) регулировались не светским законодательством, а нормами канонического права. Бóльшая же часть повседневных отношений средневекового человека с окружающими определялась нормами обычного права, попросту говоря, традицией. Она слабо рефлексировалась и, как правило, не находила отражения в памятниках письменного права, поскольку не нуждалась в утверждении законодательной властью. Подобная фиксация – в виде исключения – возможна в основном в тех случаях, когда обычай приходил в противоречие с новыми отношениями, формирующимися в обществе, и нуждался в корректировке. Нормы обычного права могли рассматриваться в качестве источника письменных правовых норм, которые были призваны регулировать либо отношения между новыми, прежде не существовавшими социальными группами, либо новые связи, в которые не вступали члены традиционного общества.

С официальным законодательством древнерусский человек сталкивался нечасто. Видимо, с этим связана размытость в древности понятия о законодательном памятнике: все ранние законы передаются в окружении текстов, не имеющих собственно юридического характера.

Роль традиции, обычного права в Древней Руси, судя по всему, была особенно велика, поскольку в силу ряда культурно-исторических причин здесь отсутствовала рецепция римского права, заложившая основы правовых отношений средневековых государств Западной Европы. Роль, эквивалентную римскому праву, на Руси сыграли христианские правовые нормы. К сожалению, история канонического права и его место в социальной жизни Древней Руси изучены пока недостаточно. Пробудившийся в последние десятилетия интерес к истории повседневности заставляет внимательнее отнестись к памятникам канонического и церковного права на Руси.

Каждая правовая норма и закон в целом формулируют желательные стандарты поведения и поступков. Из этого следует, что, пока действует закон, соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом. В то же время законы несколько запаздывают относительно причин, породивших необходимость формулирования новых правил отношений людей между собой, а также между членами данного сообщества и государством. Кроме того, по крайней мере до середины XVII в. на Руси ни один закон никогда полностью не выполнялся. Одной из важнейших причин такого положения дел было отсутствие со стороны государства возможности контролировать выполнение закона не только на местах, но и в столице, поскольку не было соответствующих структур аппарата власти. Все это задает определенную специфику в изучении законодательных источников и использовании в историческом построении информации, полученной из них.

Определенные сложности в изучении ранних законодательных источников составляет разделение их на отдельные статьи. При этом учитываются киноварные заголовки, инициалы (или пропуски для них), грамматическая структура фраз. От того, насколько верно про-

ведено такое членение текста, во многом зависит понимание как отдельных правовых норм, так и общего смысла законодательного источника.

Не менее сложной оказывается проблема определения того, как работали (и работали ли вообще) та или иная правовая норма и законодательство в целом. В ее решении большую помощь оказывает сравнение правовых норм с данными актового источниковедения и нарративных источников. Желательно также привлекать для решения этого вопроса записки иностранцев, часто обращавших внимание на особенности судопроизводства в России.

1.2.1. Памятники светского права. Русская Правда

Начальные фазы законотворчества в древнерусском государстве практически не нашли отражения в дошедшем до нас комплексе письменных источников. Исключение составляют ссылки на статьи некоего Закона Руского, которые встречаются в договорах Руси с греками (6415/907, 6420/911 и 6453/945 гг.). На основании сопоставления этих статей с нормами позднейших законодательных памятников (прежде всего с Русской Правдой), делались попытки гипотетической реконструкции этого источника. Широко распространено мнение, что Закон Русский представлял запись норм обычного права восточных славян. Считается, что именно Закон Русский лег в основу первых дошедших до нас памятников письменного права Древней Руси, которые принято обобщенно называть Русской Правдой. Насколько обоснована такая точка зрения, сказать трудно.

Древнейший русский законодательный источник – Краткая Правда (20–70#е годы XI в.). Она представляет собой, судя по всему, кодекс норм прецедентного права, которые регламентируют отношения в пределах княжеского (позднее также боярского) хозяйства, вынесенного за пределы официальной столицы государства. Именно здесь, в княжеско-дружинной среде складывались новые социальные отношения, не регламентировавшиеся традицией: между самими дружинниками, между дружинниками и холопами, между князем и слугами, князем и свободными крестьянами-общинниками. Все остальное население Киевской Руси, скорее всего, продолжало руководствоваться нормами обычного права. В Русской Правде сохранились косвенные следы традиционного права. Самый яркий из них – обычай кровной мести, об ограничении которого говорится в первой статье Краткой Правды.

Краткая Правда сохранилась в двух списках XV в. (в составе Новгородской I летописи младшего извода) и 11 списках XVIII–XIX вв. Текст ее помещен в статье 6521 (1016) г. Он имеет вставной характер и в старшем изводе Новгородской I летописи отсутствует.

По структуре и источникам, которые вошли в ее состав, Краткую Правду принято делить на Правду Ярослава и Правду Ярославичей. Существование Правды Ярослава основывается на формальном признаке (ее текст предшествует записи о съезде Ярославичей, на котором они «уставили Правду»). Однако в более поздней Пространной Правде, где запись о съезде сыновей Ярослава, видимо, читается в первоначальном виде, речь идет только об отмене кровной мести и замене ее денежным штрафом, «а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Это дает основания для сомнений в существовании Правды Ярославичей.

Иногда из состава Правды Ярослава выделяются первые десять статей, которые якобы составляли Древнейшую Правду. Считается, что она была составлена в Новгороде около 1016 г., а через 20 лет на ее основе была создана Правда Ярослава. Около 1072 г. Ярославичи дополнили ее рядом статей. Новая редакция Правды связывается с городскими восстаниями 1068–1071 гг., поскольку в нее были введены повышенные денежные штрафы за убийство княжих людей. Остальные статьи Краткой Правды, отчасти повторяющие нормы Древнейшей Правды, принято считать дополнительными, введенными позднее. К более

позднему времени относят также Покон вирный, устанавливающий нормы прокорма сборщиков судебных платежей, и Урок мостникам, определяющий расценки за мощение новгородских улиц (оба датируются первой половиной XII в.). В целом Краткая Правда рассматривается как единый памятник, возникший на рубеже XI–XII вв.²²²

Появление первого памятника письменного права, скорее всего, было вызвано тем, что именно в княжеском окружении начинают формироваться новые социальные отношения, не подпадавшие под обычные нормы. Основой «необычного» законодательства могли выступать как переработанные древние правовые памятники (наподобие Закона Руского) и традиционные нормы права, так и нормы принципиально новые, заимствованные, скорее всего, из наиболее авторитетного источника – Священного Писания.

Ко второму-третьему десятилетиям XII в. обычно относится появление Пространной Правды. Известно более 100 списков этого памятника в составе Кормчих книг, Мерил Праведных и юридических сборников особого состава. Самые ранние – Синодальный список Кормчей (1282) и Троицкий список Мерила Праведного (вторая половина XIV в.), прочие датируются XV–XVIII вв. Все списки Пространной Правды объединяются в три вида (извода). Синодально-Троицкий вид имел новгородский протограф, возникший не позже конца XIII в. На новгородском протографе первой половины XIII в. основывается и Пушкинско-Археографический вид. Карамзинский вид возник в Московской Руси начала XV в. на основе какого-то списка Пушкинско-Археографического вида, дополненного по спискам Синодально-Троицкого; он представляет интерес в основном для изучения судьбы Русской Правды в XV–XVI вв.

Пространная Правда имеет самостоятельную основу, расширенную текстами Краткой Правды (в переработанном виде) и Устава Владимира Всеволодовича Мономаха (1113). Это памятник, возникший единовременно. По объему Пространная Правда почти в пять раз больше Краткой (почему и имеет такое условное название). По мнению М. Н. Тихомирова, третьим источником Пространной Правды был протограф Сокращенной Правды. Однако эту точку зрения не разделяют большинство исследователей.

Пространная Правда чаще всего рассматривается как памятник новгородского гражданского законодательства, хотя число списков и распространенность в различных юридических сборниках позволяют относить ее к общерусскому законодательству. Степень официальности Пространной Правды неизвестна.

Наиболее спорный памятник – Сокращенная Правда, сохранившаяся в двух списках XVII в. Обычно ее датируют концом XV в. В дошедшем виде Сокращенная Правда появилась, вероятно, в Пермской земле, после присоединения ее к Московскому княжеству. Большинство исследователей видят в этом памятнике простое сокращение текста Пространной Правды, что отразилось в его общепринятом названии.

С начала XIV в. Русская Правда, по-видимому, начала терять свое значение как действующего источника права. Смысл многих юридических терминов, использующихся в ней, становится неясным переписчикам и редакторам, что ведет к искажениям текста. Уже в начале XV в. Русская Правда перестает включаться в юридические сборники, составленные для практического применения, и вносится в летописные своды. При этом текст ее прекращает развиваться.

Изучение Краткой, Пространной и Сокращенной Правды как самостоятельных источников, независимо от сборников, в составе которых дошли их тексты, вряд ли можно считать верным методическим приемом с источниковедческой точки зрения.

²²² Впрочем, недавно А. П. Толочко выдвинул обоснованную гипотезу, что Краткая Правда была создана искусственно в начале XV в. «в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала». Такая точка зрения радикально меняет представления об истории законодательства в Древней Руси.

Законодательные памятники XIV–XV веков

После Русской Правды наиболее полный и разносторонний кодекс русского права представляет собой *Псковская Судная грамота*. Она сохранилась в двух независимых друг от друга списках XVI в.: Воронцовском, включающем весь текст грамоты, и Синодальном, содержащем только последние 12 (по современной разбивке) статей. Первый из них составлен в Вологде или на Белоозере, второй – в Москве.

Вопросы происхождения Псковской Судной грамоты до сих пор вызывают дискуссии. По одной из наиболее аргументированных гипотез, первая редакция грамоты была составлена в 1397 г. и представляла собой свод псковских пошлин, дополненный выписками из наиболее древнего законодательного памятника Пскова – грамоты Александра Невского. Впоследствии этот текст неоднократно редактировался, в результате чего появилась вторая редакция 1409–1424 гг. Дошедшие до нас списки передают уже третью редакцию, которую относят ко второй половине XV в. Она представляет собой вторую редакцию с поздними дополнениями. Все три редакции – непосредственное отражение сложного процесса кодификации действующего права северо-западного вечевых города: от начальных этапов формирования правовых норм до последних десятилетий существования.

В отличие от Русской Правды, сконцентрированной на юридических и социально-политических проблемах княжеского и боярского хозяйства, Псковская Судная грамота дает представление о мире городских и сельских обывателей, о социально-экономическом развитии русского города. Помимо истории Пскова XIV–XV вв. Судная грамота имеет и общерусское значение: нормы, зафиксированные в ней, отмечаются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов Руси.

Новгородская судная грамота известна в одном дефектном списке 70#х годов XV в. В сборник, в составе которого она дошла, включен также Коростынский договор 1471 г. (между Новгородом и великим князем московским), который ссылается на нее. Текст грамоты появился около 1385 г. и позднее неоднократно редактировался.

В сохранившейся части Судной грамоты читаются статьи, касающиеся судоустройства и судопроизводства некоторых дел, в частности земельных тяжб. Среди прочих вопросов в ней оговаривается сфера компетенции московского князя в решении новгородских дел.

Источником Новгородской судной грамоты послужила Русская Правда. Ряд статей сближает Новгородскую и Псковскую судные грамоты. Впоследствии некоторые нормы этих памятников (например, статьи, устанавливающие единый срок крестьянского перехода) использовались при выработке общерусского законодательства.

Законодательные памятники конца XV–XVII века

Политическое объединение русских земель вокруг Москвы породило новые отношения между центром и территориями, входящими в состав Московской Руси. Поэтому важную роль в становлении законодательства молодого государства играли уставные грамоты, содержавшие распоряжения верховной власти относительно организации местного управления (наместничьи, губные, таможенные). Известно 16 таких грамот. Имея форму актов, они выполняли несколько функций, в том числе законодательную. В них часто формулировались нормы материального, гражданского и уголовного права, фиксировались новые нормы отношений государства и отдельных его территорий, тем самым создавались прецеденты для решения подобных вопросов в дальнейшем. Наибольший интерес представляют Двинская и Белозерская уставные грамоты.

Двинская уставная грамота (конец XIV в.), исходившая из великокняжеской канцелярии, определяла порядок взаимодействия и разделение сфер компетенции представителей центральных и местных властей. Расширение вмешательства центра в дела Двинской

земли сопровождалось выдачей привилегий ее жителям (льготы двинским купцам на территории Московского княжества, их неподсудность великокняжеским судебно-административным органам на Устюге, Вологде, Костроме и др.). Источниками Двинской уставной грамоты послужили Русская Правда, великокняжеские жалованные грамоты, нормы обычного и письменного права Пскова и Новгорода.

Белозерскую уставную грамоту 1488 г. часто называют предшественницей Судебника 1497 г. Основное внимание в ней уделено регламентации деятельности органов административного управления, соотношению функций местных властей и великокняжеских наместников, а также разделению юрисдикции между наместничьим судом и центральным – великокняжеским.

Первым опытом кодификации общерусских правовых норм стал **Судебник 1497 г.** До 1817 г., когда был обнаружен его единственный список, текст Судебника был известен лишь в выдержках Сигизмунда Герберштейна. История происхождения Судебника, его источники, место в жизни Московской Руси XV – первой половины XVI в. пока изучены неудовлетворительно. В Западной Европе того времени подобного свода законодательных норм не существовало.

Судебник был составлен в 1497 г. Однако многие исследователи полагают, что работа над ним продолжалась и после этой даты. Источниками для него послужили Русская Правда (к ней восходят 25 из 68 статей), Псковская Судная (с ней связаны девять статей Судебника) и уставные грамоты (десять статей). Составители нового свода законов могли также опираться на судебные прецеденты и нормы обычного права. Не исключено, что в его основе могли лежать также особые великокняжеские «наказы», направлявшиеся на места при решении важных судебных вопросов, а также сборники процессуального права, которыми руководствовались в своих действиях представители власти на местах. Новые статьи Судебника опирались, скорее всего, на тексты Номоканона.

По составу Судебник принято делить на три части: 1) постановления о центральном суде (статьи 1–36); 2) постановления о местном суде (статьи 37–45); 3) постановления по материальному гражданскому и уголовному праву (статьи 46–66). Две заключительные статьи (67 и 68) имеют дополнительный характер: о запрещении давать посулы судьям и о правилах судебных поединков.

Судебник 1497 г. постоянно дорабатывался. Судебники Василия III, Ивана IV и Федора Иоанновича фактически были его новыми изданиями, исправленными и дополненными.

Судебник 1550 г. (известно 40 списков, в том числе 13 – XVI в.) в подлиннике не сохранился. Он был принят при участии Боярской думы в июне 1550 г. В следующем, 1551, году Судебник был утвержден Стоглавым собором. Многие списки Судебника имеют оглавление. Обычно указываются 99 или 100 статей. Последняя статья, отсутствующая в ряде списков, направлена на ограничение судебных прав удельных князей.

Появление нового Судебника объяснялось изменением официального статуса государства, принявшего на себя дополнительные сакральные функции. Вместе с тем он был призван разрешить новые социальные противоречия середины XVI в.

В Судебнике усиливалась централизация управления и судопроизводства. Например, ограничивалась власть наместников и волостелей: дела «о ведомых разбойниках» были переданы под юрисдикцию губных старост. Тем самым расширялись рамки проведения губной реформы, получавшей юридическое обоснование. Вводились приказы. Однако перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, только начиналась.

Расширялись права служилого сословия: запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, ограничивалось право перехода крестьян, более детально регламентировались взаимоотношения между землевладельцами и зависимыми крестьянами. Однако

из-за неразвитости государственного аппарата правительство не могло пойти на полное закрепощение крестьян.

Положения Судебника 1550 г. получили развитие в указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. В их числе были постановления о временном, а затем и полном запрете крестьянского выхода в Юрьев день (с 1581 г.). Впоследствии эта норма была подтверждена указами о введении урочных лет – срока хранения дворянских челобитных о сыске беглых крестьян.

Важнейшим законодательным источником XVII в. стало *Соборное уложение 1649 г.* Принятию этого кодекса предшествовала серия городских бунтов 1648–1649 гг. 2 июня 1648 г. царю была передана коллективная челобитная «от всяких чинов людей и всего простого народа» о необходимости судебных преобразований. В середине июня 1648 г. в Москве собрался Земский собор, который обратился к царю с челобитной о составлении «Судебника и Уложенной книги, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить». 1 сентября 1648 г. новый Земский собор должен был начать слушать проект Уложения. Подготовкой его занимались Н. И. Одоевский «с товарыщи». Новое законодательство опиралось на Кормчие книги, Литовский статут, судебники, царские указы и боярские приговоры, челобитья дворян, посадских людей и «выборных» участников собора, материалы практического судопроизводства и др. Уложение было утверждено Земским собором 29 января 1649 г. После этого царь приказал «то все Уложение написать на список», «закрепить тот список» рукоприкладствами участников собора и «списать» текст «слово в слово» в книгу. Последняя должна была быть заверена подписями дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, а затем «с тое книги» следовало «напечатать многие книги» для рассылки в московские приказы и на места.

Оригинал Соборного уложения представляет столбец длиной в 309 м из 959 отдельных составов. На обороте его стоят 315 подписей участников собора: патриарха, митрополитов, архимандритов, игумена, благовещенского протопопа, бояр, окольничих, казначея, думного дворянина, печатника, думного дьяка, московских дворян, дворян городовых, гостей, выборных от московских сотен и слобод, посадков и стрельцов. По склейкам стоят скрепы думных дьяков И. Гавренева, Ф. Елизарьева и М. Волошенинова, а также дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова. Специальные пометы указывают на источники каждой статьи. Поправки и восстановленные пропуски сведены в «Опись поправкам», приложенную к Уложению. На практике пользовались печатными экземплярами Уложения (до 1,2 тыс. книг).

От предшествовавших законодательных актов Соборное уложение отличается не только большим объемом (25 глав, разделенных на 967 статей), но и более сложной структурой. Введение содержит изложение мотивов и истории составления Уложения. Главы построены по объекту правонарушения. Это позволяло придерживаться обычной для того времени последовательности изложения: от возбуждения дела до исполнения судебного решения. Такая структура серьезно затрудняет анализ Уложения, поскольку практически любой предмет изучения оказывается разбросанным по нескольким главам.

Уложение отразило переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, зафиксировало роль церкви в государстве. Были определены понятия государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, государственных преступлений; осуществлена разработка вопросов материального и процессуального права и судопроизводства. Соборное уложение 1649 г. было завершающим этапом в процессе становления законодательства единого Российского государства и на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом российских законов.

1.2.2. Памятники древнерусского канонического права. Общая характеристика канонического права

Каноном (буквально: прямая палка, служащая для опоры, а также для измерения и проведения прямых линий) в церковной практике принято называть правила веры и христианской жизни. В их основе лежат апостольские правила, постановления вселенских и местных соборов, а также мнение отцов церкви. Канон в церковном праве подобен закону в светском и имеет такое же обязательное значение. С течением времени он вытеснил обычай – некогда единственный источник церковного права, – вполне заменив его. В церковном праве обычай признается решающим в тех вопросах, на которые канон не дает ответа.

Под каноническим правом понимается совокупность церковно-правовых норм, обязательных для представителей конфессии. Каноническое право православной церкви отличается от канонического права церкви западно-римской, католической (включающего папские декреты, извлечения из римского права, законов франкских королей и других источников).

Изучением норм канонического права традиционно занимается каноника – церковная дисциплина, тесно связанная с богословием. В отличие от догматики, выясняющей внутреннюю сторону церковной жизни, каноника занимается вопросами ее внешнего устройства, отношения к другим общественным союзам, церковной дисциплины. Кроме того, церковное право охватывает собою отношения с государственными структурами.

Каноны святых апостолов

Каноны представляют собой совокупность норм, регулирующих церковные отношения, которые создавались на основании апостольского предания в первые три века христианства. Это правила, которые затрагивали все стороны церковной жизни, касаясь жизни клира, мирян и церковного управления. Апостольские правила – канонические для всех христианских церквей. Канонами святых апостолов пользовались как местные, так и вселенские соборы, не раз цитировавшие их в своих постановлениях. В связи с этим нормы соборного канона могут иногда дословно совпадать с каноном апостольским, хотя чаще в постановлениях вселенских и поместных соборов встречаются косвенные указания на апостольские правила. Всего насчитывают 85 канонов, или правил, святых апостолов.

Каноны вселенских соборов

Вселенскими соборами обыкновенно называют собрания епископов всех поместных церквей. Вселенские соборы собираются нерегулярно, в исключительных случаях, для решения важных церковных вопросов. Обычно это были вопросы веры, разногласиями в которых порождались еретические течения. Кроме того, на вселенских соборах вырабатывались общие нормы церковной дисциплины. Вселенских соборов было семь: Никейский 325 г., I Константинопольский 387 г., Эфесский 431 г., Халкидонский 451 г., II Константинопольский 553 г.; III Константинопольский 680 г. и Трулльский 691 г. (считаются одним собором), а также II Никейский 787 г.

Каноны поместных соборов

Менее важные вопросы церковной жизни решались на поместных соборах. Каноны поместных соборов – это постановления собрания епископов митрополии, которые обыкновенно созывались два раза в год для обсуждения и решения текущих административных и судебных дел, превышающих полномочия епископа. Иногда собирали епископов нескольких митрополий. Правовые решения поместных соборов были обязательны для местности, епископами которой они были приняты. Поскольку устройство церквей не отличается раз-

нообразиям, постановления, принятые на одной территории, часто принимались и в других местностях.

Известны десять поместных соборов, которые приняли правила, считающиеся общеправославными для православной церкви: Анкирский 314 г., Неокесарийский 315 г., Гангрский (около 340 г.), Антиохийский 341 г., Сардикийский 344 г., Лаодикийский конца IV в., Карфагенский 419 г., Константинопольские соборы 394, 861 и 879 гг.

К ним следует добавить каноны поместных соборов, прошедших на Руси. Развернутый источниковедческий анализ их материалов не проводился. Преимущественно постановления русских соборов изучались историками русской церкви и специалистами в области церковного права. Возможно, поэтому постановления русских поместных соборов редко используются в исторических исследованиях. Чаще других историки обращаются к решениям Стоглавого собора 1551 г.

Стоглав. Это сборник постановлений поместного собора 1551 г. Его появление вызвано борьбой с нарушениями устоев церковно-монастырской жизни, падением авторитета церкви после ожидавшегося, но не наступившего в 7000 (1492) г. конца света, а также изменением правового статуса светского государя, официально венчавшегося на царство. Заседания собора проходили, видимо, в январе-феврале 1551 г. 23 февраля началось редактирование Стоглава (памятник содержал соответствующее названию количество глав). Он продолжил древнерусскую традицию вопрошаний.

Стоглав совмещает признаки канона поместных соборов и канона святых отцов. Он написан в виде ответов высших иерархов церкви на царские вопросы о церковном «строении». Порядок следования глав неясен. Вопросы разбиты на две группы. Ответы на первые 37 вопросов охватывают основную часть Стоглава. Другие 32 ответа помещены «чересполосно» с вопросами в одной (41#й) главе памятника.

Для верного понимания информации Стоглава необходимо знать, кто был составителем вопросов, содержащих своеобразную программу реформ, представленную правительством на рассмотрение церковного собора. Приписывались они Ивану IV, но составлены были не им, а лишь по его распоряжению – несколькими лицами (священником Сильвестром, митрополитом Макарием, Максимом Греком, старцем Артемием) либо одним Сильвестром, принимавшим участие в подготовке обращения Ивана IV к собору (25#й, 26#й, 27#й и 29#й вопросы прямо заимствованы из его послания царю).

Вопросы, представленные Собору, свидетельствуют о сакрализации и расширении функций светской власти. Именно царь выступил инициатором созыва Собора, призванного «оздоровить» русскую церковь. При этом он именует себя и своего отца – наряду с духовенством – «пастырями». Иван IV подверг сомнению необходимость сохранения монастырского землевладения и неподсудности церковных людей царскому суду. Центральное место занимает тема злоупотреблений белого духовенства и монашества. Сначала царь критиковал церковное судопроизводство (получение «святителями» посулов, волокиту). Серьезную опасность для чистоты православия, по мнению царя, представляли ошибки в переводах богослужебных книг. Резкой критике подвергался весь строй монашеской жизни. Подчеркивалось, что даже сами монастырские власти зачастую содействовали разорению монастырей и их земельных владений. Ряд вопросов касался нравственного облика прихожан и их поведения.

Второй комплекс царских вопросов (в количестве 32) был посвящен сюжетам, связанным с церковной практикой. Здесь же ставилась проблема борьбы с «ересями» и суевериями в среде мирян.

Большинство участников Собора поддерживали строгую регламентацию церковно-монастырского быта, что должно было укрепить авторитет церкви. Были приняты постановления, касающиеся укрепления церковного благочиния (о церковных службах, обрядах во внутрен-

нем распорядке в церквях, о порядке церковного пения и колокольного звона), введено требование беспрекословного подчинения священников и дьяконов протопопам, которые вместе с «поповскими старостами» обязаны были следить за исправным отправлением церковных служб и поведением клира. Непослушание протопопам, пьянство, небрежность в церковном богослужении наказывались отлучением от церкви. Подтверждено было запрещение симонии (поставления на церковные должности «по мзде»), а также вдовым попам служить в церкви.

Впервые в Москве и других городах создавались специальные училища для подготовки священников и дьяконов. Священники обязывались поддерживать в сохранности иконы (которые должны были писаться, «смотря на образ древних иконописцев») и сверять церковные книги с «добрыми переводами».

Стоглавом были жестко определены пошлыны, взимавшиеся священниками («венечная» – за совершение обряда бракосочетания, за освящение церкви и др.). При этом ликвидировался институт владычных десятильников, которые собирали пошлыны с церквей. Отныне «святительскую дань» собирали земские старосты и десяцкие священники. «Венечную» пошлыну должны были собирать поповские и десяцкие старосты.

Собор санкционировал строгие наказания за преступления против нравственности (в том числе содомский грех, непослушание родителям, ложная присяга и др.). Под страхом церковных наказаний было запрещено чтение еретических и отреченных книг. Определялись меры помощи неимущим и немощным.

Усиливалась ответственность монастырской администрации за соблюдение монастырских уставов. Монахи должны были во всем повиноваться своим настоятелям. Вводился строгий контроль над монастырской казной. Архимандриты и игумены избирались самой «братиею», а затем по церковным правилам утверждались царем и епископом.

Вместе с тем в Стоглаве была подтверждена незыблемость церковно-монастырского землевладения: покушавшиеся на него объявлялись «хищниками» и «разбойниками». Ссылаясь на церковные законы, Стоглав категорически отклонил попытку передачи права суда над церковными людьми «мирским судиям». Царскому суду передавались только дела о душегубстве и разбое.

Таким образом, Стоглав при расширении сферы компетенции царской власти в области духовной жизни сохраняет за церковью решение важнейших вопросов, касавшихся ее внутреннего положения. Стоглав, действовавший на протяжении целого столетия, раскрывает многие стороны повседневной жизни древнерусского общества, не освещаемые другими источниками.

Каноны отцов церкви

Под этим подразумеваются правила, установленные наиболее авторитетными епископами в виде посланий-ответов на вопросы других пастырей. Формально такие каноны могли приобрести характер закона, только будучи принятыми большинством епископов. Однако на самом деле они делались обязательными, как только вносились в сборники правил.

К XVI в. на Руси бытовало не менее сотни канонов такого рода. Часть из них была вполне официального характера, поскольку исходила от высших иерархов. Другие святоотеческие правила имели рекомендательный характер, хотя и были зачастую анонимными. К числу наиболее популярных в Древней Руси относятся канонические ответы митрополита русского Иоанна II, перевод которых с греческого сохранился в списках Кормчих книг XIV–XVII вв., и так называемое Кириково вопрошание, дошедшее до нас в составе Кормчих XIII–XVI вв. и содержащее ответы новгородского епископа Нифонта (1130–1156) и других иерархов на вопросы неких Кирика, Ильи и Саввы. Оба памятника дают развернутую картину повседневной жизни приходского священника и древнерусского прихода (семейно-

брачные отношения, народное восприятие христианства, соблюдение горожанами христианских норм поведения и морали и т. п.).

Изучение текстов вопрошаний, сопоставительный анализ их между собой и с вопросниками для покаянных бесед духовников с духовными детьми позволяют получить информацию, недоступную при работе с другими источникам.

Юридические сборники

С XI в. основным сводом памятников христианского и византийского церковного права на Руси был сборник, который в XIII в. получил название Кормчей книги. Он содержал авторитетные и обязательные для православных христиан законы: апокрифические апостольские правила, правила вселенских и некоторых поместных соборов, признанных каноническими, нормативные сочинения церковных писателей IV–VII вв., а также компиляции из церковных установлений византийских императоров. Состав и переводы этих сборников были различными. К ним добавлялись толкования канонических норм. На Руси кормчие книги расширялись местными церковными и светскими правовыми кодексами и правилами.

Кормчие книги известны в большом числе списков (до 180). Основная их часть принадлежит к XV–XVI вв., но встречаются списки как более ранние (XII в.), так и поздние (XVIII–XIX вв.). Они переписывались и редактировались во всех русских землях. Наиболее важную роль играли так называемые Сборники 14 титулов. На их материалах, известных на Руси с XI в., основывались все кормчие книги XIV–XVI вв. Правовое и каноническое содержание кормчих книг было основным. Однако в процессе развития они включили также многие церковно-полемиические, хронологические, календарные, экзегетические сочинения, словари и другие памятники.

Значительно позже Кормчей, в последние десятилетия XIII – начале XIV в., сформировался другой древнерусский сборник подобного рода – *«Мерило Праведное»*. Он сохранился в пяти списках XIV–XVI вв., имеющих идентичный состав. Текст делится на две части. Первая включает заимствованные из Библии, апокрифов и святоотеческой литературы поучения о праведных и неправедных судах и судьях. Вторая составлена из памятников права, преимущественно канонического. Сюда вошли как русские, так и переводные (в основном византийские) законодательные памятники, а также нормы, заимствованные из библейских текстов. В основу памятника легли, скорее всего, кормчие книги. *«Мерило Праведное»* как исторический источник, его место в жизни древнерусского общества изучены недостаточно.

Под названием *Правосудие митрополичье* известен памятник, помещенный в «Цветнике» (сборнике слов и поучений) XVI в. Создание этого законодательного источника некоторые исследователи относят к XIII–XIV вв. Статьи, включенные в него, затрагивают вопросы, традиционно относившиеся к юрисдикции церковных судов (семейно-брачные отношения, сексуальные преступления, проблема определения «душегубства» и т. п.). В числе источников Митрополичьего правосудья были церковный устав Ярослава, Пространная Русская Правда и некоторые другие источники.

Памятники канонического права до сих пор неудовлетворительно изучены как исторические источники.

1.3. Акты

Важной составной частью источникового комплекса, освещающего историю древней Руси, являются акты – тексты, выполняющие функции документов: предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав; деловые и служебные записи, несущие информацию о том или ином событии или процессе, положении дел, состо-

янии имущества и т. п. В современном отечественном источниковедении под актами в узком смысле понимаются лишь те из них, которые устанавливают определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом (С. М. Каштанов). В отличие от законов, которые устанавливают, формулируют правовые нормы, акты лишь используют законодательные нормы и не должны нарушать их.

При узком определении к актам относят документы, выполняющие договорную или распорядительную функцию. При расширительном понимании актовых источников к этим группам добавляют также делопроизводственные, частно-публичные документы и частную переписку.

Изучением актов занимается дипломатика – специальная дисциплина, анализирующая документы как исторический источник.

1.3.1. Актовый материал как исторический источник и методы его изучения. Общая характеристика актового материала

Древнерусские акты представляют собой обширный комплекс источников. По подсчетам В. А. Кучкина, до нашего времени дошли всего восемь актов XII в., 15 актов XIII в., 163 – XIV в. и 2048 – XV в.: всего 2234 акта, причем большая часть из них (1302 акта) датируется второй половиной XV в. Это существенно уступает комплексам западноевропейских актовых источников. Лишь с XVII в. акты на Руси сохранились в массовом количестве.

К каждой группе актов применяется свой специфический подход, повышающий информационную отдачу этого вида источников. Классификация (систематизация) актов производится по источнику права, на котором они основываются (например, публично-правовые и частные акты, первые из которых делятся на светские и духовные); тематическому принципу (по содержанию) и т. п. Каждое из этих оснований может быть удобным и целесообразным при изучении той или иной темы. Менее дифференцированные классификационные системы более удобны, когда речь идет о систематизации материала, однако они оказываются малопродуктивными, поскольку выделенные группы обычно имеют слишком общий характер. Напротив, развернутые классификации, как правило, слишком конкретизированы, что порождает ряд неудобств при их практическом использовании.

Понятие формуляра и формулярный анализ

Изучение актов начинается с анализа их внешней формы: материала, на котором написан документ, почерка писца, хронологической системы, которой пользовался составитель грамоты, знаков, удостоверяющих документ (прежде всего печатей, хотя они в настоящее время всесторонне исследуются специальной исторической дисциплиной сфрагистикой). На основе такого анализа делается вывод о подлинности акта. Это лишь предварительный этап оценки акта как исторического источника. Основная работа по его изучению начинается с исследования внутренней формы – структуры и стилистики его текста.

Структуру текста акта принято называть *формуляром*. Формуляр более или менее стабилен. Он состоит, как правило, из стандартных оборотов, расставленных в определенном порядке. Принято различать условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный формуляры.

Под *условным формуляром* понимается наиболее общая схема построения документов в целом. *Абстрактным формуляром* называют общую схему построения документов определенной разновидности. Схематическая структура определенных небольших групп документов внутри разновидности именуется *конкретным формуляром*. Наконец, схему построения одного отдельно взятого текста принято называть *индивидуальным формуляром*.

В условном формуляре обычно выделяют: 1) начальный протокол (инвокация – посвящение Богу; интитуляция – обозначение лица, от которого исходит документ; инскрипция –

обозначение адресата; салютация – приветствие); 2) основную часть (аренга – преамбула; нотификация – публичное объявление; наррация – изложение обстоятельств дела; диспозиция – распоряжение по существу дела; санкция – запрещение нарушения документа; corroborация – сведения об удостоверительных знаках документа); 3) конечный протокол (место и время выдачи; аппрекация – заключение-благопожелание); 4) удостоверительную часть (субскрипция – формула, выражающая существо удостоверительного действия; сигнатура – подпись, личная или нотариальная).

Указанные части условного формуляра встречаются далеко не в каждом документе и не всегда в перечисленном порядке. Тем не менее использование структуры условного формуляра полезно при предварительном анализе текста акта. На ее основе устанавливается индивидуальный формуляр конкретного акта. Индивидуальные формуляры актов определенной разновидности позволяют выстроить абстрактный формуляр, а на его базе – типичную схему каждой части, из которой состоит акт данной разновидности. Такая схема представляет собой техническое средство, позволяющее изучить эволюцию внутренней формы актов во времени и пространстве.

Для ее создания элементы, из которых состоит абстрактный формуляр, сводят в таблицу под условными номерами. Если исследователя интересуют временные изменения, он размещает данные в хронологической последовательности, отмечая наличие или отсутствие выделенных элементов абстрактного формуляра в каждом конкретном акте. Исчезновение одних из них и появление других отражает изменения, происходящие во внутренней структуре данной разновидности. Если же предмет изучения составляют территориальные особенности формуляра, существующие одновременно, в таблицах выстраиваются ряды из данных, полученных при анализе актов, появившихся на одной территории. Затем результаты, полученные по разным регионам, сравнивают между собой.

Последующее прямое сличение текстов актов позволяет выявить *конкретные формуляры групп источников*, из которых состоит та или иная разновидность. Воссоздание истории конкретных формуляров – основная задача дипломатического анализа внутренней формы актов.

Принципиально важен в данном случае вопрос о том, на какие элементы и как делится текст акта. Традиционно предлагалось выделять так называемые клаузулы (мысли, отделяемые в акте друг от друга). В последнее время предложена более детальная схема членения акта на статьи – грамматически самостоятельные простые или сложные предложения (С. М. Каштанов). Если статья представлена сложным предложением, в котором каждое из составляющих имеет отдельную тему, она делится далее на обороты, а те – на элементы и, наконец, еще более мелкие частицы – характеристики, дальнейшее членение которых невозможно. Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно. Обороты, внутри которых к одному подлежащему относится несколько определений или к одному сказуемому – несколько дополнений или обстоятельств либо одно понятие выражено многословно, могут, кроме того, делиться на отделения, состоящие из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения или из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик актов различают реалии, формулы и описания. К первым относятся имена лиц и топонимы, ко вторым – устойчивые выражения, к третьим – более или менее оригинальные выражения, характеризующие какие-то особые обстоятельства или условия.

Такое членение акта на составляющие называется *грамматически-дипломатическим методом* и представляет собой предварительную интерпретацию текста. Результаты, которые будут получены с его помощью, во многом зависят от того, насколько детально и обстоятельно проведен формулярный анализ – изучена структура текста акта.

Формулярный анализ может использоваться и при анализе других видов письменных источников: памятников законодательства, агиографических произведений.

На стадии изучения конкретных формуляров грамматически-дипломатический метод должен сочетаться с *методом юридического членения текста по содержанию*. Каждое законченное изложение какой-то нормы, на которую опирается составитель акта, рассматривается как постановление. Постановление может делиться на пункты. Такой подход, подкрепленный текстологическим анализом, позволяет установить социальное и политическое происхождение данной разновидности актов, а также каждого акта, входящего в нее. Завершает работу с актом логический анализ: интерпретация, установление логических противоречий, «темных мест» его текста и т. п.

Характеристика акта основывается на его происхождении: где именно создан данный акт, каковы причины его появления, каким способом удостоверен его текст. Ответить на эти вопросы позволяют историко-юридический, историко-географический, историко-политический и историко-экономический анализ условий создания изучаемого текста.

Историко-юридический анализ состоит в сравнении акта с законодательными источниками своего времени. Он позволяет выяснить, какие нормы и как отразились в изучаемом документе, уточняет понимание сущности данной юридической нормы и время ее бытования. В ходе *историко-географического анализа* производится идентификация топонимов, упомянутых в акте с географическими реалиями, что не только конкретизирует географическое происхождение акта, но и дает важную информацию для историко-географических реконструкций (например, уточняет представления о владениях того или иного лица или целого рода). *Историко-политический анализ* состоит в сопоставлении сведений, сохранившихся в данном акте, с данными других видов источников (летописей, разрядов, родословцев и т. п.). Благодаря этому воссоздаются обстоятельства политической борьбы, породившие документ, конкретизируется состав участников происходящих событий. *Историко-экономический анализ* – важная составная часть реконструкции экономической истории района или региона, в котором был создан изучаемый акт. В основе такого анализа лежит сопоставление норм, отразившихся в акте, с данными других источников, освещающих экономическую историю этой территории: приходно-расходных, писцовых книг и т. п.

Наиболее сложным при изучении актового материала является определение степени достоверности его информации. Методика и практика выяснения того, насколько она соответствовала реальным событиям и обстоятельствам, до сих пор слабо разработаны. Дело в том, что традиционно акты относились к так называемым источникам-остаткам, которые в меньшей степени, нежели иные виды источников, нуждаются в «критике дел». Поэтому основное внимание уделялось проблемам установления подлинности актового материала. Между тем верное понимание исторической информации, заключенной в акте, невозможно без ее культурологического истолкования и всестороннего сопоставления с известными реалиями прошлого.

Обобщение всей полученной информации об условиях появления акта, его содержания и социальных функциях позволяет воссоздать историю актов определенной разновидности как исторического явления. История актов, в свою очередь, – это составная часть истории развития договорных отношений в обществе. Она отражает становление и эволюцию прав различных социальных групп, их отношения между собой, а также между обществом и властными структурами, государством.

1.3.2. Появление актов в Древней Руси

Договорные отношения возникают прежде всего между юридически независимыми друг от друга политическими единицами (государствами) и существуют на всем протяжении истории России. Как следствие, акты Древней Руси имеют публично-правовой характер.

Наиболее ранние древнерусские акты – это договоры Руси с греками. Тексты данных договоров (907, 911, 944 и 971 гг.) сохранились в составе Повести временных лет. Все древнерусские тексты этих договоров представляют собой переводы с греческого языка. Они посвящены упорядочению торговых отношений между Русью и Византией. Обычно срок действия подобных актов составлял 30 лет.

Договор 911 г. был заключен в Константинополе. Возможно, частью процедуры заключения этого договора были переговоры Руси с византийцами в 907 г. Текст договора соответствует формуляру клятвенных грамот иностранных послов византийскому императору, известному по международным договорам, заключавшимся Византией в 992–1261 гг. В таких актах излагались условия договора и уверения в подтверждении последних правительством, которое представляли иностранные послы. Во время заключения подобных договоров стороны составляли текст согласованного акта – каждая на своем языке, с употреблением своих канцелярских и дипломатических форм. Затем стороны обменивались грамотами, причем каждая получала, помимо того, перевод переданного ей текста на родной язык. Переводы служили пособиями при чтении основного текста. Поскольку в сохранившемся тексте договора 911 г. отсутствуют статьи, составленные от имени греков, он представляет собой копию клятвенной грамоты, переданной грекам, снятую до отъезда послов из Константинополя. Одни исследователи считают, что перевод сделан вскоре после заключения договора, другие – что переводы всех договоров были сделаны одновременно, в конце XI в.

В отличие от предыдущего, договор 944 г. был составлен в столице Древней Руси после предварительных переговоров византийских послов с киевским князем. Часть договора составлена от лица русских, часть – от лица греков. В русской части (соответствующей клятвенно-верительной грамоте) отсутствуют договорные статьи. Видимо, Игорю был представлен на утверждение экземпляр, скрепленный послами и нуждавшийся в принесении князем присяги (о чем прямо говорится в тексте договора). Затем скрепленный экземпляр был увезен в Византию, а в Киеве остался заверенный греческий оригинал. Возможно, на Руси осталась и копия с утвержденной грамоты русских послов.

Договор 971 г. представляет собой запись княжеской клятвы, сделанную в императорском лагере со слов посланцев Святослава. Скорее всего, эта грамота писалась без предварительного согласования текста сторонами. Фиксируя обязательства русской стороны, она не упоминает обязательств византийцев о предоставлении Руси права торговли в столице и провинциях Империи. Тем не менее они, видимо, были оформлены письменно и утверждены византийским императором.

Насколько адекватны тексты, донесенные Повестью временных лет, первоначальному виду договоров Руси с греками, судить трудно.

Особую роль в государственной жизни Древней Руси с конца X в. играла церковь. На ранних этапах стабильные формы княжеско-церковных договоров отсутствовали. Не было, соответственно, и устойчивых разновидностей соглашений между княжеской властью и церковью. О существовании подобных соглашений в конце X – середине XI в., возможно, свидетельствует упоминание в Повести временных лет под 6504 (996) г. о выделении Владимиром Святославичем десятины Богородичной церкви. Текст этой летописной статьи напоминает формуляр данных грамот XII в. Однако уверенности в том, что в летопись действительно был вставлен текст грамоты, нет. В дальнейшем подобные прецеденты передачи светской властью церкви определенных прав послужили почвой или предлогом для создания церковно-княжеских законодательных памятников – так называемых церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого.

1.3.3. Акты удельного периода. Публично-правовые акты

Международные договоры. Самый ранний внешнеполитический договор удельного периода – договор Новгорода Великого с Готским берегом (островом Готланд) и немецкими городами, относящийся к концу XII в. Всего от XII–XIV вв. сохранилось 18 новгородских документов, касающихся международных отношений. Половина из них (девять) составлена от имени новгородского князя (до первой трети XIV в.), пять – от имени княжеского наместника (с 30-х годов XIV в.) и четыре – от республиканских органов власти.

Как правило, договоры заключались в самом Новгороде. Здесь иностранным послам вручали экземпляр акта, скрепленный печатями представителей новгородских властей (архиепископа, князя, тысяцкого, посадника, новгородского совета господ). Если контрагентов Новгорода было несколько (или контрагент был коллективный, например несколько городов), всем им вручались свои экземпляры договора. После возвращения послов на родину туда выезжал новгородский посол, в присутствии которого противоположная сторона утверждала другой экземпляр договора, предназначенного для вручения новгородским властям. Тогда же иностранные послы, заключавшие договор, скрепляли его своими печатями. Эта процедура означала ратификацию договора.

Кроме новгородских, сохранились также отдельные международные договоры Смоленска и Полоцка XIII–XIV вв. Их дипломатический анализ еще не завершен.

К XIV в. относится и первый московский внешнеполитический договор: перемирная грамота великого князя литовского Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем (1371). Она, видимо, была составлена литовскими послами и не отражает традиции московской великокняжеской канцелярии. В докончании 1371 г. оговаривались права московского великого князя и обязательства Ольгерда не вмешиваться в борьбу с тверским князем за великое княжение. Текст договора, по-видимому, был составлен на основании предложений, подготовленных обоими контрагентами. Грамота скреплена крестоцелованиями представителей обеих сторон и печатями: литовской и московской митрополичьей (митрополита Алексия). Прочие документы московского великокняжеского архива, имевшие международное значение и известные по описи архива Посольского приказа 1626 г., утрачены.

Удельная эпоха породила **договорные политические акты и внутрирусского происхождения**. Они заключались между политическими субъектами, юридически независимыми друг от друга (между великими князьями и Новгородом, великими князьями различных великих княжеств, великим и удельными князьями одного великого княжества). Образование единой Руси привело к исчезновению почвы для политических договоров такого рода.

К числу внутривосточных актов относятся также **церковные уставы, уставные и жалованные грамоты**. Самые ранние списки церковных уставов и уставных грамот относятся к концу XIII – началу XIV в. Широкое распространение получили церковные уставы князей Владимира Святославича (сохранился в многочисленных списках XIV–XIX вв., делящихся на несколько редакций, наиболее ранние из которых относятся к XIII–XVII вв.) и Ярослава Владимировича (дошедший во множестве списков XV–XVI вв., разделяющихся на редакции и изводы). Считается, что это переработанные и дополненные уставные грамоты князей. Протографы уставов относят к XII в. Они близки и к законам, и к жалованным грамотам. Полагают, что Устав Владимира представляет собой договор с Византией, присылавшей на Русь первых митрополитов: в качестве контрагента князя выступает его жена, княгиня Анна, представлявшая интересы Византии на Руси. Устав же Ярослава определяет отношения между князем и Иларионом – первым «русином», занявшим митрополичий престол. Впоследствии упоминания контрагентов обоих уставов, видимо, стали восприниматься символически: как князя вообще и митрополита вообще, а договорной момент

(разделение сфер компетенции и юрисдикции) постепенно вытеснялся законодательным. Поэтому данные уставы относят к законодательным источникам, несмотря на их актовую форму.

О существовании княжеско-церковных договоров с полной уверенностью можно говорить с XII в., когда создаются местные новгородский и смоленский церковные уставы. Их формуляры очень близки. Кроме собственно уставной грамоты князя (смоленского Ростислава Мстиславича и новгородского Святослава Ольговича), они включают подтвердительные грамоты епископов и дополнительные записи о размерах сборов в пользу церкви. Центральное место в их диспозитивной части занимают росписи сборов с определенных территориальных единиц. Неразвитость протокольной части княжеских грамот свидетельствует о близости их к законодательным источникам.

В XII в. появляются княжеско-церковные акты, относящиеся к числу жалованных грамот. Они устанавливали социально-политические отношения между княжеской властью и монастырями. Рост влияния чернеческих обителей обусловил выдачу им княжеских грамот, которые разделяли властные полномочия князя и монастыря и ограничивали сферу монастырского землевладения определенным селом и тем, что к нему «потягло». Жалованные грамоты выдавались сначала новгородским монастырям, а с XIV в. получили распространение и на других территориях.

За первую половину – середину XII в. сохранилось четыре документа, связанных с передачей земельных участков и движимого имущества двум новгородским монастырям: Юрьеву и Пантелеймонову. Самым ранним подлинным актом такого рода считается жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю (около 1130 г.). Она написана на пергамене и имеет следы прикрепления печати, которая не сохранилась. Три других акта дошли в копиях.

Следующий комплекс жалованных грамот относится уже к XIV в. Им датируются 12 актов, из которых лишь три сохранились в подлинниках. Великокняжеские жалованные грамоты не касаются собственно московских земель и относятся к пограничным спорным территориям (районы Печоры, Волочка, Торжка и Костромы). Прочие грамоты связаны с территориями Ярославского княжества, Новгородской и Псковской республик. Судя по развитым формулярам, старейшими центрами выдачи жалованных грамот были также Тверское и Рязанское княжества.

Во всех упомянутых грамотах контрагенты явно неравноправны. Доминирующую роль играет князь. Передавая монастырю землю и превращая его в земельного собственника, он по-прежнему обладает верховной распорядительной властью. В грамотах князей Всеволода и Изяслава даже не упоминаются имена игуменов монастырей, которым адресована грамота. Незавершенность инскрипции жалованных грамот – показатель их близости княжеским уставам XII в. Последним княжеско-церковным договором стала грамота между Василием I и митрополитом Киприаном.

Княжеско-церковные договоры свидетельствуют о том, что церковь на Руси так и не стала силой, независимой от князя. Этим объясняется отсутствие договоров с церковью того типа, который характерен для взаимоотношений между князьями.

Значительный комплекс актов составляют *договоры Новгорода с великими князьями*. Для XIII–XIV вв. подавляющее большинство грамот регулируют отношения с тверскими князьями. Все новгородско-тверские договоры дошли в подлинниках. По тематике они делятся на три группы: 1) о правах князя в Новгородской земле (девять грамот); 2) о военной помощи (два экземпляра – княжеский и новгородский – одного договора рубежа XIII–XIV вв.); 3) о мире (четыре грамоты XIV в.). Только в начале 70#х годов XIV в. была составлена договорная грамота с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (спи-

сок конца XV – начала XVI в.). До XIV в. известно единственное упоминание договора с московским князем, касающегося проезда великокняжеских «ватаг» через новгородские земли.

До 1380 г. известны четыре *междукняжеские договорные грамоты*, три из которых дошли в подлинниках. Они регулируют отношения между великим и удельными князьями. Лишь в одном случае (докончание 1375 г. Дмитрия Ивановича московского с великим тверским князем Михаилом Александровичем) в качестве контрагентов фигурируют два великих князя. Порядок заключения этих договоров неизвестен. Некоторую информацию об утверждении их дает упоминание в грамотах обоюдного крестоцелования и следы печатей, пришешивавшихся к подлинникам.

С конца 20–30#х годов XIV в. появляются *духовные грамоты* московских князей. Зарождение княжеской завещательной традиции обычно относят к XII, а иногда даже к XI в. При этом ссылаются на упоминания в летописных обращениях умирающих князей к членам своей семьи устойчивых оборотов, соотносимых с клаузулами (статьями) письменных завещаний последующего времени. Однако древнейшие духовные если и существовали, то в форме устного распоряжения («ряда»).

Первая сохранившаяся духовная грамота составлена Иваном Калитой (1327 или 1339). Ее появление А. Л. Юрганов достаточно основательно связывает с появлением при хане Узбеке в монгольском праве нормы, закреплявшей за местными правителями, подчинявшимися Орде, наследственное распоряжение подвластными им территориями. При составлении духовных грамот, видимо, использовалась традиция устных завещаний, следы которых и сохранились в русских летописях. Центральное место в духовных великих князей занимают благословения (наследников – членов великокняжеской семьи) и пожалования (служилых людей) землями (соответственно, уделами и вотчинами) в пределах великого княжества. Все духовные скреплялись великокняжеской печатью, а также печатями митрополитов. Последнее свидетельствует о расширении юрисдикции церкви. Позднее даже духовные частных лиц скреплялись митрополитом, архиепископом или епископом. Кроме того, при великокняжеских духовных иногда встречаются печати наследников – удельных князей. Всего к XIV в. относятся семь княжеских завещаний.

Духовные грамоты немосковских князей (тверских, рязанских, нижегородских, ярославских и др.) не сохранились, хотя известны, что составлялись. Возможно, они были уничтожены во время комплектования великокняжеского архива, по мере присоединения этих княжеств к Москве.

Значительно хуже известны *указные и кормленные грамоты*. К концу 60#х – началу 70#х годов XIII в. относится послание князя Ярослава Ярославича рижанам. В нем совмещены элементы указной и жалованной грамоты. Содержание послания сводится к разрешению свободного проезда через его владения немецким гостям.

Ранние указные и кормленные грамоты московских великих князей посылаются в порубежные новгородские земли. Самая ранняя указная грамота – распоряжение великого князя московского Андрея Александровича на Двину о пропуске к морю и обратно трех великокняжеских «ватаг». На Двину адресована и указная грамота 1324–1340 гг., составленная от имени Ивана Калиты и Великого Новгорода. Приблизительно в то же время утвердился и обычай московского управления Печорой. В древнейшей кормленной грамоте, выданной Дмитрием Ивановичем Московским Андрею Фрязинову, упоминается, что дядя Андрея, Матвей Фрязин, обладал кормлением на этой территории еще при Иване Калите.

Важную, хотя и плохо сохранившуюся часть публично-правового комплекса актов представляют собой *руско-ордынские документы*.

Первое упоминание о них содержится в упомянутом послании Ярослава Ярославича. Князь ссылается на указ ордынского хана Менгу-Тимура (Мангу-Темира русских летописей) по поводу проезда немецких купцов по княжеской волости.

Важную группу документов составляют ханские ярлыки русским митрополитам. В них закрепляются владельческие иммунитетные права русской церкви, которая освобождается от уплаты пошлин и повинностей. Переводы ярлыков на русский язык дошли в составе двух рукописных сборников: краткого и пространного. Самый ранний – ярлык хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., самый поздний – хана Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу 1379 г. Краткое собрание включает шесть ярлыков и рассматривается как более раннее, составленное в конце XIV – первой половине XV в. Первая редакция пространного собрания была подготовлена, видимо, до 1550 г. и представляла переработку краткого с добавлением фальшивого ярлыка хана Узбека митрополиту Петру. Окончательный вид оно получило в 30-х годах XVII в. Оригиналы ярлыков, составленные, вероятно, на тюркском или монгольском языках, не сохранились. Ханские ярлыки использовались русской церковью для защиты своих имущественных прав в спорах со светскими властями.

По мнению С. М. Каштанова, к концу XIV в. выработался формуляр целого ряда нововидностей публично-правовых актов. Причем преобладает сделочная форма актов (договорные, жалованные, духовные грамоты). Жанр посланий встречается реже, чем на Западе. С этим связано слабое применение такого компонента формуляра, как нотификация (публикация). Самой неразвитой частью формуляра был конечный протокол. Даты повсеместно (за исключением ханских ярлыков) отсутствуют. Место выдачи акта не указывается. Лишь в XIV в. в санкциях распространяется угроза светских наказаний (прежде дело ограничивалось призывом небесной кары). Особенности русских публично-правовых актов исследованы пока недостаточно.

Частно-правовые акты

При заключении частных сделок по крайней мере до XII–XIII вв. на Руси преобладала устная форма. Об этом говорит слово «послух», обозначающее свидетеля сделки. Сделки заключались устно, а послухи лишь выслушивали и запоминали условия договора, чтобы при необходимости воссоздать их.

Письменный частный акт на Руси появился не ранее XII–XIII вв. Вопрос о датировке первых актов имеет принципиальный характер, поскольку зарождение практики составления документов частного характера представляет собой важное свидетельство уровня развития социальных отношений и культуры.

Приоритет в области распространения частных актов принадлежит Новгороду и Пскову. В Новгороде, судя по берестяным грамотам, письменные традиции среди частных лиц сложились давно. Здесь духовные и уставные грамоты назывались рукописанием. Не исключено, что этот термин возник в связи с обычаем переписывания духовных на пергамен для их юридического оформления.

Частные акты западных и юго-западных княжеств за XII – последнюю четверть XIV в. представлены единичными экземплярами, а на северо-востоке вообще неизвестны.

Самые ранние новгородские акты – данная (купчая) и духовная, приписываемые Антонию Римлянину. Они сохранились в списках второй половины XVI в. Многие исследователи считают их подделкой.

Сторонники подлинности духовной датируют ее текст вторым десятилетием XII в. Большинство исследователей считают данную Антония фальсификатом²²³, изготовленным монахами в ходе судебной тяжбы во второй половине XVI в. В ней присутствует поздний счет на рубли. Однако формуляр грамоты архаичен и не соответствует формуляру данных или вкладных грамот XVI в. Включение Антонием купчей в данную должно было доказать

²²³ Подделкой XVII в. признается и духовная-вкладная грамота новгородского посадника Ивана Фомина, в тексте которой дается дата 6690 (1181/82) г.

законность владения Антония земель, передаваемой монастырю. Кроме того, это позволяло точно указать ее границы, в чем усматривают зарождение правила передачи в монастыри вместе с данными и вкладными купчих и других грамот на передаваемое владение.

Древнейший русский частный акт, сохранившийся в подлиннике, – вкладная грамота Варлаама новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю (1192–1211). В диспозитивной части грамоты оговаривается, что земля передается монастырю «с челядию и с скотиною», что сближает ее с княжескими жалованными грамотами новгородским монастырям XII в. Впрочем, по поводу подлинности вкладки Варлаама высказывались сомнения: ее формуляр признавался поздним (XV в.), а внешний вид – не соответствующим документам раннего времени. Лишь небольшое число актов второй половины XIII в. – 70#х годов XIV в. не вызывает сомнений.

Древнейший бесспорно подлинный частный акт – духовная новгородца Климента. Она написана на пергамене не позднее 1270 г. (год смерти игумена Варлаама, упомянутого в грамоте). Климент, получивший от монастыря 20 гривен в долг, в качестве компенсации завещает монастырю два села, движимое имущество, а также право взыскать долги с должников Климента. Предусматривается также обеспечение вдовы завещателя. Употребление в грамоте двойного счета – гривнами серебра и гривнами кун – характерно именно для Новгорода XIII в. и на очень коротком промежутке времени. Формуляр грамоты (в частности, инвокация и диспозиция) соответствует формулярам подлинных княжеских грамот XIII в.

К последней трети XIII в. относится и древнейший подлинный псковский частный акт: «рядная» Тешаты и Якима. Сделка оформлена княжеским писцом на пергамене и заверена свинцовой печатью князя Довмонта. Впервые упоминается о том, что при составлении грамоты присутствовали послухи, и впервые вводится денежная санкция (100 гривен) за нарушение условий договора.

Данная черницы Марины суздальскому монастырю Василия Кесарийского, содержащая дату XIII в., известна в трех списках: XVI, XVIII и XIX вв. Ряд анахронизмов в формулах и выражениях грамоты, а также то, что вплоть до 80#х годов XVI в. земли, упоминаемые в данной Марине, не фигурируют в числе владений указанного монастыря, заставляет остановиться на последней дате как наиболее вероятном времени появления этого документа.

Сохранившихся частных актов XIV в. очень мало: одна новгородская мировая грамота (о полюбовном размежевании земель в Шенкурском погосте 1315–1322 гг.), три древнейшие купчие (две псковские первой половины и 70–80#х годах XIV в., одна новгородская – после 1359 г.), псковские – три меновые (вторая половина XIV в.), одна рядная (вторая половина XIV в.) и одна раздельная (вторая половина XIV в.). Возможно также, что к этому времени относится часть 11 псковских актов, датируемых XIV–XV вв.

Важнейшая особенность актов XIII–XIV вв. – расширение сферы их социально-политического происхождения. Частные акты социально-экономического происхождения этого времени редки, что свидетельствует о слабом развитии экономических отношений в древнерусском обществе. Немногие документы такого рода появлялись лишь в Новгороде и Пскове. Вероятно, эти территории обогнали южных и северо-восточных соседей в экономическом развитии. Наименее развитым при этом оказывается Московское княжество, на земли которого не выдавались жалованные грамоты. Зато именно в нем происходит юридическое оформление великокняжеской собственности в виде княжеских духовных грамот. Слабость частного землевладения в Московском княжестве XIII–XIV вв., отсутствие здесь крупного монастырского землевладения и, как следствие, усиление великокняжеской власти обусловили объединение Руси вокруг Москвы на силовой, внеэкономической основе.

1.3.4. Акты XV–XVII веков

В дальнейшем объем актового материала и его разнообразие быстро увеличиваются. Если для XV в. абсолютное число актов еще известно (их, напомним, чуть более 2 тыс., что на порядок превышает общее количество документов за предыдущие три столетия), то для последующих веков оно уже не поддается точному учету.

Публично-правовые акты

Международных договоров (преимущественно с соседней Литвой и с Речью Посполитой) пока немного. В XV в. они заключаются не только московскими, но также тверскими, рязанскими и пронскими князьями. С завершением объединительных процессов подобная практика исчезает. С начала XVI в. суверенным государем, имеющим право на договоры с другими субъектами публичного права, остается только царь и великий князь. Вместе с тем существенно расширяется география контрагентов подобных соглашений. Это связано с признанием Московии самостоятельной и влиятельной державой.

Начиная с 80-х годов XIV в. резко возрастает число *договорных грамот русских князей*, достигающее к концу XV в. 56 единиц. Из них почти половина (24) приходится на период феодальной войны второй четверти XV в. Завершение объединения русских земель в единое государство ликвидировало правовую основу для развития данной разновидности актов.

Одновременно появляются новые разновидности актового материала. В XV–XVII вв. через *жалованные грамоты* осуществлялись местное управление, ограничение феодальных привилегий духовных и светских землевладельцев, централизация суда и финансов.

За XV в. сохранились всего десять княжеских *завещаний*. Еще девять духовных московских великих или удельных князей и княгинь дошли от XVI в. Пресечение династии Калитичей, судя по всему, считавшейся единственным собственником всех Русских земель, а также наступление Смуты привели к прекращению завещательной традиции.

Развитие общественной жизни на местах в конце XIV–XVII в., формирование сословных групп в границах волостей, уездов, посадов предопределили необходимость договорного регулирования отношений великокняжеской власти с населением этих административно-территориальных единиц. Возникают исходящие от великого князя или царя *акты управления* (наместничьи грамоты) и *самоуправления на местах* (губные, земские грамоты). Актами – на договорных основаниях, при возрастающей власти великого князя – оформляются отношения подданства (поручные записи). Впоследствии появляются своеобразные договоры царей с сословиями (акты земских соборов), характерные для второй половины XVI–XVII в. В полном смысле слова такой характер имела, пожалуй, только крестоцеловальная запись Василия Шуйского 1606 г. Государь присягал своим подданным, что никто из них не будет подвергнут опале без справедливого расследования и суда, не будут преследоваться родственники осужденного и т. п.

Все эти разновидности политических соглашений, пронизанных духом распоряжения и часто облеченных в форму пожалования, теряют смысл в условиях абсолютистской монархии. Политические сделки государства с частными лицами или группировками редко приобретают форму письменных договоров.

Публично-частные и частные акты

Со второй половины XVII в., а особенно с петровских времен в России начинают заключаться разного рода экономические соглашения, договоры между органами государственной власти и частными лицами (акты откупа, подряда и др.). Эта очень слабо изучен-

ная история государственно-частных договоров отражает развитие новых отношений в экономике России.

Число видов и разновидностей частных актов растет по мере дальнейшего развития феодальной экономики. В них находят отражение новые социально-экономические процессы. Появляются акты на холопов (с XV в.), денежные (заемные – с XVI в.), крестьянского подряда (с XVI в.), на крестьян (с конца XVI в.), а также распорядительно-договорные (с конца XV в.) и распорядительные (с XVII в.).

В связи с резким увеличением численности актовых источников, их видов, подвидов и разновидностей начиная с XVII в. возрастает роль изучения истории архивов, в которых концентрировались актывые материалы.

1.4. Материалы государственного и вотчинного учета

1.4.1. Писцовые книги и документы писцового делопроизводства

Среди источников государственного учета XVI–XVII вв. важную группу составляет комплекс писцовых документов: писцовые (дозорные, межевые, окладные) и переписные книги.

Писцовые книги составлялись в ходе описания земель с середины XV в. по 30#е годы XVII в. в целях государственного фиска. Писцовые книги представляли собой систематизированный свод сведений о земельных владениях (земельный кадастр) и служили фундаментом государственной налоговой системы. Кадастровые задачи составления писцовых книг диктовали набор содержательных сведений и форму их подачи.

Первая государственная поземельная перепись была проведена на рубеже XV–XVI вв. в связи с задачами унификации фискальной системы на основе общего критерия обложения. Она продолжила начавшееся ранее описание Новгородской земли («старое письмо»). Наиболее древние из сохранившихся – писцовые книги Новгородских пятин 1495–1505 гг., составленные в период общей поземельной переписи. В них описаны земли новых и старых владельцев. Сопоставление «старого» и «нового» письма позволяет изучать состояние землевладения Новгородской республики в последний период ее существования и в первое время после ее вхождения в состав единого государства. Результатом первого описания земель Российского государства стала фиксация социальной принадлежности селений с их землями и введение на территории всей страны единой системы налогообложения, основанной на использовании общей условной окладной единицы – сохи, заменившей прежние местные единицы налогообложения (обжу, сошку и др.). Размер сохи еще не был нормирован: в разных уездах ее составляли разное количество пахотной земли и неодинаковое число дворов.

Второе крупное описание пришлось на середину 30#х – середину 40#х годов XV в. и охватило земельные владения на территории 30 уездов и Новгородских пятин. На основе записей в писцовых книгах вотчинникам и помещикам, а также выборным должностным людям дворцовых и черносотных волостей выдавались сотные грамоты. Они удостоверяли право владения землями, занесенными в писцовую книгу, а также фиксировали число сох, соразмерно которым платились государственные налоги и отбывались повинности. В этом описании для поместий отмечалось наличие леса, реки, озера, сенокоса, а в некоторых случаях указывались межевые границы.

Третье генеральное описание страны было проведено в середине 1550#х – 1560#х годах с целью обеспечить служилых людей землей, прежде всего на поместном праве. В ходе его были реформированы главные принципы описания. Земли всех владельцев: вотчинников, помещиков, черносотных крестьян – подлежали учету, единицей которого

вертей главное содержание составляют сведения о государственных налогах: прямых, косвенных (таможенных, кабацких), разных сборов (оброчных, пошлинных).

Расходные книги целовальников денежного сбора (волостных или уездных) черносошных общин наполнены данными о еженедельных, ежедневных тратах на кормы воеводам, подьячим, низшим чинам съезжей и земской изб, оплату огородных, ремонтных и других работ, о расходах, связанных со сбором и отправкой государственных налогов, проездом чинов государственной администрации. Книги всеуездных старост северных городов (Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы и др.) можно условно назвать книгами «кормов», ибо траты на покупку продуктов, предметов утвари, дров, свечей для местных администраторов (воеводы и подьячих Съезжей избы) преобладают над другими. Расходные книги четвертей при всей их непохожести на книги мирских старост по сути близки им: это кормленные книги, предназначенные для раздачи денежного жалованья («корма») дворянам разных рангов, в основном городовым.

В связи с различным объемом информации по одной тематике в книгах разного происхождения источниковедческий анализ будет различен. Изучение приходно-расходных книг мирских старост предполагает оценку достоверности и полноты их известий по вполне конкретным вопросам, например: охватывают ли записи весь календарный год, есть ли пропуски данных, имеются ли удостоверительные записи счетчиков, уполномоченных ревизовать правильность ведения старостой или целовальником книг, соответствуют ли расходные статьи истраченным суммам и т. д.

Приходные и расходные книги – богатейший источник по социально-экономической истории, в частности о поступлениях налогов и их распределении, о торговле и рыночных отношениях, о местном и центральном управлении, государственном бюджете, структуре общины. Кроме того, это источник по истории материальной культуры и повседневности, ментальным представлениям общества. Поэтому следует подходить к приходным и расходным книгам как к комплексному источнику.

Критерий обложения и его объем, подытоженные в писцовой книге, служили основанием, на котором базировалась приходная книга. При специальном источниковедческом изучении приходных книг и их сопоставлении с писцовыми можно установить, копировался ли в приходной книге итог писцовой книги или излагался. Величина сошного оклада, номенклатура налогов во всем их разнообразии, размер податей по видам, оброчные статьи и, наконец, общая сумма налогов вписывались в приходную книгу из писцовой без изменений. Поэтому приходные книги четвертей позволяют восстановить главные итоговые показатели утраченной писцовой книги.

1.5. Литературные произведения

1.5.1. Приемы источниковедческого анализа произведений литературы

Строго говоря, художественной литературы в современном понимании этого слова в древней Руси не было. Ни одно произведение не предназначалось для удовлетворения лишь эстетических чувств читателя. Любой письменный памятник был наделен, помимо буквального, целым рядом смыслов: символическим, аллегорическим, нравственным. Поэтому для современного читателя понимание древнерусского произведения представляет определенные сложности. Вместе с тем эта особенность древнерусской книжности расширяет информационные возможности памятника письменности при его использовании в историческом исследовании.

Такая специфика семантического наполнения древнерусской литературы делает весьма условным ее деление на духовную и светскую. Чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не существовало. Письменная культура древней Руси была христианской по своей сути. Следы фольклора и нехристианских народных верований могли в ней отразиться лишь в косвенной форме. Тем не менее проводится условная грань между духовной литературой, основная функция которой заключается в передаче и сохранении христианской традиции, и литературой «светской», ориентированной больше на читателя-мирянина, осуществлявшей, кроме всего прочего, развлекательную функцию. Первая группа произведений может привлекаться для изучения системы представлений, присущих более образованной части древнерусского общества, вторая в большей мере раскрывает внутренний мир рядового человека.

При использовании литературных произведений древней Руси в качестве исторических источников исследователи чаще всего руководствуются наивным историзмом и потребительским отношением к источниковой информации. В литературных произведениях обычно ищут иллюстрации к выводам, полученным на основе других источников. Большинство интересных наблюдений сделаны на интуитивном уровне и не подкрепляются специальным семантическим анализом изучаемого текста.

Верное понимание средневекового произведения невозможно без привлечения широкого круга литературы духовного содержания, откуда древнерусский книжник черпал основную часть образов, сюжетов, характеристик. Долгое время в нашей стране ссылки на подобную литературу признавались нежелательными. Это существенно снизило уровень разработки источниковедения древнерусской книжности.

1.5.2. Переводы литературных произведений в древней Руси и их источниковедческое значение

Древнерусская письменная культура тесно связана с христианством. Первое время на Руси пользовались исключительно переводной литературой. Именно она задавала новую систему ценностей и представлений.

Изучение переводной литературы представляет существенные сложности. Прежде всего оно требует знакомства с оригиналом, с которого делался перевод. Иначе понять смысловую нюансировку исходного и переведенного текстов будет невозможно. Лингвисты разработали изощренный инструментарий, позволяющий установить, на каком языке был написан оригинал. Немаловажен также вопрос, где был осуществлен перевод. Однако, учитывая близость литературного языка всех славянских народов, назвать территорию, на которой сделан конкретный перевод, подчас бывает затруднительно.

Следующая группа вопросов связана со сличением переведенного и исходного текстов. Текстологический анализ позволяет понять принципы перевода, уточнить семантическое наполнение отдельных слов, фразеологизмов и целых периодов. Результаты сличения будут во многом зависеть от того, насколько близок список, взятый в качестве основы анализа, к реальному исходному тексту.

Переводы духовной литературы

Духовную литературу принято делить на *каноническую* (бог вдохновенную) и *апокрифическую* (тайную или отреченную). Последняя, в свою очередь, делится на верочитную (которую разрешалось читать) и ложную (запрещенную к хранению и чтению).

Канонические произведения распадаются на несколько жанров, тесно переплетенных друг с другом: *скриптурный* (библейские книги Ветхого и Нового Завета); *литургический* (богослужебный – служебники, требники, молитвословы, часословы, октоихи, паремийники, параклитики, служебные шестодневы, цветная и постная Триоди, служебные минеи,

канонники, стихирари, ирмологии, кондакарии и месяцесловы); *вероучительный* (символы и изложения веры, огласительные поучения или катехизисы, полемические сочинения и толкования); *проповеднический* (проповеди, сборники постоянного состава – «Златая цепь», «Златоуст», «Златоструй», «Маргарит», «Измарагд» и премудротно-гностической книжности – «Пчела», патерики) и, наконец, *агиографический* (жития, похвальные слова святым и сказания о чудесах, а также их своды – прологи, синаксари, торжественники, Четьи минеи и изборники переменного состава).

Тексты подавляющего большинства из них историками не изучаются. Отсутствие к ним интереса со стороны историков кажется вполне оправданным: что может дать для изучения истории древней Руси заведомо известное содержание стандартного (к тому же переведенного) текста, определенного каноном? Наверное, поэтому ни одна из этих книг (за исключением агиографических произведений) в качестве источника по истории древней Руси не использовалась.

Конечно, есть исторические исследования, которые не обходятся без упоминаний переводов книг Священного Писания, богословских произведений и пр. Это специальные и обобщающе-обзорные работы по истории древнерусской культуры вообще, общественной мысли и книжного дела в частности. Здесь сакральные тексты в основном привлекаются для определения и характеристики противоборствующих сил, а также восстановления круга стран, с которыми древняя Русь имела книжные культурные контакты.

Поскольку образ мира, в котором и которым жил человек древней Руси, определялся преимущественно сакральными христианскими текстами, исключение их из источниковедческой практики существенно затрудняет понимание смыслов древнерусских источников. Подмена исходных образов, на которые опирался автор древнерусского произведения, системой представлений, почерпнутых из текстов, современных исследователю, ведет к недопустимой модернизации содержания источника. Использование переводных канонических и апокрифических сакральных текстов в качестве основы анализа древнерусских письменных источников позволит существенно расширить их информационные возможности.

Канонические произведения

Скриптурные и литургические произведения. Древнейшие переводы Псалтыри, Евангелий и Апостола на славянский язык были выполнены Кириллом и Мефодием. После смерти Кирилла Мефодий и его ученики завершили перевод Библии (за исключением Макавейских книг). В основу перевода легли греческие Септуагинта и лекционарная (апракосная) редакция Нового Завета. Исключение составила третья книга Ездры, переведенная с латинской Вульгаты.

Начало переводческой деятельности на Руси принято связывать с Ярославом Мудрым. В Киеве переводили не только с греческого, но также с латыни и древнееврейского. Наиболее ранние переводы евангельских текстов на староболгарский (старославянский) язык сохранили апракосное (разбитое на праздничные чтения) Остромирово Евангелие (1056–1057), Архангельское Евангелие (1092), Мстиславово Евангелие (около 1117 г.) и Юрьевское Евангелие (20-е годы XII в.).

До 1499 г. на Руси не было полного славянского списка Библии в одном кодексе. Существовали ли до Геннадиевской Библии полные систематические подборки древнерусских (славянских) переводов канонических библейских книг, неизвестно. Из-за отсутствия полных древнерусских переводов книг Ветхого Завета невозможно хотя бы приблизительно установить, где и когда они были сделаны, могли ли ими пользоваться и в каком объеме древнерусские книжники, не говоря уже о том, чтобы пытаться определить конкретные списки Священного Писания, легшие в основу тех или иных оригинальных текстов.

Вероучительные произведения. В домонгольский период на Руси были известны в переводах важнейшие восточнохристианские произведения этого рода. В болгарском переводе древнерусские книжники знали греческое «Уверие», или «Слово о правой вере», Иоанна Дамаскина – полное систематическое изложение христианского вероучения. В концептивном виде основы христианского вероучения излагались в Кирилловой книге («Огласительное поучение» Кирилла Иерусалимского), известной в болгарском переводе с XI в. (Хиландарские листы). Большой популярностью пользовалась Толковая Палея (толковый Ветхий Завет, включающий полемические статьи против иудеев), создание которой обычно относят к XII в. (самый ранний список – Коломенский, 1406 г.).

К произведениям вероучительного жанра относят также трактаты, в которых изложение богословских вопросов сочетается с наставлениями, что роднит их с проповеднической литературой. Яркий образец подобных памятников – «Лествица» Иоанна Лествичника, известная на Руси в ранних переводах и имеющая хождение по сей день. В ней излагаются основы самосовершенствования христианина, разбитые на 30 последовательных «ступеней» (ступеней), поднимаясь по которым, можно достичь небесного блаженства.

Кроме того, на Руси бытовали переводы «Поучений огласительных и тайноводственных» Кирилла Иерусалимского, слово из «Трех слов против ариан» Афанасия Александрийского, два слова о богословии и несколько слов на Господские праздники Григория Богослова, трактат «О Бозе, и о вещи, и о самовластстве» (славянское название), или «О свободе воли», и три слова из сочинения «О воскресении» Мефодия Патарского, «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, а также некоторые другие памятники.

Проповеднические произведения. Сразу после принятия христианства на Руси появляется множество переводных нравоучительных произведений. Среди них особое место занимают несколько трактатов Мефодия Патарского («О житии и деянии разумне», «О разлучении яди», «О прокажении» и др.), «Стословец» Геннадия Константинопольского (афористически излагавший нормы христианской морали), нравоучительные сочинения Анастасия Синаита «о различных главизнах», «Пандекты» Антиоха Иерусалимского, «Слово о молитве» Нила Синайского, «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца и многие другие. Большинство из них в выдержках вошло в состав многочисленных изборников.

Самый ранний переводной изборник постоянного состава – «Изборник 1073 года». Он представляет собой копию болгарского перевода, сделанного с греческого оригинала для болгарского царя Симеона. Сразу вслед за ним дьякон Иоанн создал для великого киевского князя Святослава оригинальный древнерусский «Изборник 1076 года». В основу его легли выписки из греческих нравоучительных текстов. В нем нашли отражение нравственные проблемы, характерные для Руси второй половины XI в.

«Изборник 1076 года» и подобные ему проповеднические своды стали прототипом «Измарагда». Это древнерусский сборник, созданный в XIV в. и предназначавшийся для домашнего чтения. В него вошли «слова» и поучения (в основном связанные с именем Иоанна Златоуста). Со временем его состав и объем изменялся.

В конце XV в. изборники типа «Измарагда» легли в основу нового собрания поучений – «Домостроя». Первая редакция его была подготовлена в Новгороде. «Домострой» вводит исследователя в обыденную жизнь древнерусского горожанина, давая ей нравственные оценки. В 50-х годах XVI в. «Домострой» был переработан и сокращен (возможно, при участии священника Сильвестра). Наиболее ранний список измененного варианта «Домостроя» – Коншинский XVI в.

В первые годы XVI в. для полемики с «жидовствующими» Дмитрий Герасимов (по поручению новгородского архиепископа Геннадия) перевел с латинского «Против иудейского безверия» Николая Делира (1501) и «Обличение иудеев» Самуила Евреина. Впоследствии Дмитрий помогал Максиму Греку: Максим переводил с греческого языка на латин-

ский, а Дмитрий и его напарник Власий – с латыни на русский. С ними также сотрудничал русский «толмач» монах Селиван. Обширная переводческая деятельность Максима Грека стала важнейшей частью русской культуры второго десятилетия XVI в. Благодаря ей на русском языке появились Толковая Псалтырь (1519–1522), Толковый Апостол, статьи из византийского лексикона Суда X в., евангельские беседы Иоанна Златоуста, жития из собрания греческого автора X в. Симеона Метафраста и др.

Житийные произведения. К поучительной литературе близки патерики (отечники) – сборники повестей о монахах-подвижниках и нравоучительных «слов» этих подвижников. Были также минеи (сборники пространных житийных повестей, распределенных по месяцам), а также прологи, или синаксари (сборники сокращенных житий).

Наиболее известными были жития св. Кирилла и Мефодия (последнее сохранилось в списке XII в.), житие апостола Кондрата (самые ранние фрагменты которого относятся к XI в.), житие св. Феклы (также фрагментарно представлено в списке XI в.), жития святых, память которых отмечается в марте – с 4 по 31 число (список XI в.), житие Василия Нового (использованное при создании Повести временных лет) и др. В оригинальных древнерусских памятниках XI–XII вв. упоминаются св. Николай Мирликийский, великомученица Варвара, чешский князь Вацлав, Антоний Великий, Феодосий Великий, Савва Освященный и Евфимий Великий, жития которых, очевидно, тоже были известны. В середине XVI в. все жития подверглись ревизии и значительная их часть вошла в «Великие четии минеи» митрополита Макария. Впоследствии репертуар переводной житийной литературы постоянно расширялся.

Переводные житийные повести и патерики (в частности, Синайский и Скитский) легли в основу оригинальных агиографических произведений.

Памятники отреченной литературы

Большой комплекс переводной литературы представлен апокрифическими произведениями. Основную часть их составляют греческие и иудейские апокрифы. Последние пришли на Русь в греческих переложениях и переводах, а также в оригиналах. Среди них «Сказание Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе первосвященника», «Заветы 12 патриархов», книги Еноха, Протоевангелие Иакова, «Хождение Богородицы по мукам», «Паралипоменон Иеремии» («Повесть о поплении Иерусалима»), «Хождение Агапия в рай», «Откровение Мефодия Патарского» и другие апокрифы, относившиеся к числу верочитных. С XIII в. получает известность апокрифическое «Сказание Афродитиана» – переложение второй главы Евангелия от Матфея, широко распространенное в Восточной и Центральной Европе. С конца XIV в. появляется большое количество версий апокрифов, связанных с именем царя Соломона (например, «Сказание о Соломоне и Китоврасе»), имеющие параллели в талмудической литературе и новояврейском фольклоре.

Особое место занимали «История иудейской войны» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Цитаты из них во множестве рассеяны в оригинальных произведениях древнерусской литературы. Труды Иосифа Флавия обладали на Руси авторитетом, практически равным книгам Священного Писания.

В более позднее время в большом числе списков известны «Худые номоканунцы» – сборник советов и правил, не признававшихся официальной церковью. Положения, зафиксированные в «ложных церковных правилах» (буквальный перевод названия), были близки народным представлениям о добре и зле, о силах природы. Не менее популярными в народе были, видимо, различные лунники, громовники, астрологии, гадательные книги «Рафли», шестокрылы, «Златая матица» и прочие ложные книги. Несмотря на запрет, они хранились и переписывались до конца XVII в. Многие из них использовались древнерусскими еретиками в качестве основы или подтверждения своих учений.

В источниковедческом плане переводная апокрифическая литература не изучалась.

Переводы светской литературы

Переводная литература, которая может быть отнесена к светской, представлена большим комплексом произведений, не поддающихся строгому учету.

Прежде всего это многочисленные византийские хроники, составившие основу древнерусского летописания. Посредством этих хроник человек древней Руси знакомился с широким кругом западноевропейской литературы. Так, античная литература стала известна здесь благодаря переложениям в «Хронике» Иоанна Малалы. Ссылки на Омира (Гомера) и некоторые античные сюжеты имеются уже в южнорусском летописании XII–XIII вв. Не исключено, что античная литература была известна на Руси с древности и в довольно широком объеме (возможно, в оригиналах). Светский характер имели «Повесть об Акире Премудром» (переработка арамейско-вавилонской повести VII в. до н. э.) и «Девгениево деяние» (византийское эпическое произведение), известные с первых веков древнерусской письменности. Видимо, уже в Киевской Руси получила распространение «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (переложение истории Гаутамы Будды), имеющая вид житийной повести. В основе русского перевода лежит греческий текст, приписывавшийся Иоанну Дамаскину и восходящий к грузинской переработке («Балавариани») арабской книги «Билаухара и Будасафа».

В XIV–XV вв. особое распространение получают «О Соломоне цари басни и кошуны и о Китоврасе». Интерес к ним был настолько велик, что при переработке Толковой Палей в конце XV в. кирилло-белозерский книгописец Ефросин удалил из нее почти весь богословский материал, оставив все легенды Соломонова цикла. Еще большее значение имело появление на Руси сербской «Александрии» (романа об Александре Македонском) и «Повести о Стефаните и Ихнилате» (древнейший список 1478 г.). «Александрия» и «Стефанит и Ихнилат» – крупнейшие переводные произведения светского содержания, которые переписывались в виде отдельных книг. В XV в. на Руси стали известны «Сказание об Индийском царстве» (южнославянский перевод с латинского оригинала письма легендарного пресвитера Иоанна) и «Прение о животе и смерти» (древнерусский перевод с немецкого оригинала).

С начала XVI в. на Руси получают распространение «Повесть о создании и поплении Тройском» (переделка южнославянской «Троянской притчи») и «Книга Троя» (западнорусский перевод романа сицилийца Гвидо де Колумна, написанного в последней четверти XV в.). Позднее, с начала XVII в., появляется еще одна версия: «О златом руне волшебного овна» – переработка одной из глав польской хроники Мартина Бельского (середина XVI в.).

Наряду с хрониками на Русь попадали и иные произведения: космографии, описывавшие мир, физиологии, рассказывавшие о животных, населявших дальние и ближние страны, шестодневы, повествовавшие не только о сотворении мира (святоотеческие толкования Священного Писания), но и об устройстве Земли и Вселенной (включая античную и западноевропейскую средневековую естественнонаучную традицию). Самой авторитетной считалась «Космография», приписываемая Козьме Индикоплову (первая половина VI в.; перевод конца XII – начала XIII в.; списки XV–XVII вв.). Из множества шестодневов в раннем периоде наиболее популярен был «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского (конец IX – начало X в.). «Шестоднев» Георгия Писиды стал известен в переводе Дмитрия Зоографа (1381), списки которого встречаются с XV в. Тогда же распространяется и «Шестоднев» Севериана Габальского. В 1667 г. Епифанием Славинецким был осуществлен полный перевод «Шестоднева» Василия Великого.

Знакомство с памятниками литературы Западной Европы и Востока способствовало вовлечению древнерусской культуры в контекст культуры мировой и оказало большое влияние на развитие оригинальной древнерусской литературы.

1.5.3. Оригинальная древнерусская литература

Поучения и послания

Один из самых ранних памятников древнерусской учительной литературы – «Слово о законе и благодати» будущего первого киевского митрополита-«русина» Илариона. Судя по всему, Иларион произнес его 25 марта 6546 (1038) г. в новоосвященной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве. Сохранилось более пятидесяти русских и южнославянских списков «Слова...» XV–XVII вв. В конце «Слова...» помещена похвала князю Владимиру, рисующая образ идеального князя-христианина. «Слово...» представляет собой уникальный памятник официальной идеологии Древней Руси. Кроме «Слова о законе и благодати» Илариону приписываются краткое догматическое изложение веры, а также «Поучение о пользе душевной ко всем православным христианам», хотя его авторство в последнем случае оспаривается.

Приблизительно в это же время появляется «Поучение к братии» новгородского епископа Луки Жидяты – первое собственно русское поучение (около 1035 г.). В нем излагаются главные обязанности христианина по отношению к Богу, самому себе и ближним. Тем самым были сформулированы основные жизненные ценности, на которые ориентировала древнерусского человека христианская церковь.

Первым русским полемическим сочинением считается трактат «Об опресноках», приписываемый киевскому митрополиту Леонтию (992–1008). Написан он по-гречески и известен в четырех списках XIII–XIV вв. Это антилатинское сочинение посвящено осуждению отступлений римской церкви от канонов христианства и противопоставлению восточной и западной церкви в вопросах догматики и соблюдения обрядов. Иногда его приписывают охридскому архиепископу Льву Болгарскому (XI в.).

На вторую половину XI – начало XII в. приходятся сочинения игумена Феодосия Печерского. Среди них два поучения – о казнях Божиих и о христианских обрядах, – обращенные ко всем русским людям, десять – к братии Киево-Печерского монастыря, два послания к киевскому князю Изяславу Ярославичу и две молитвы. В основе их лежат пророческие библейские книги, святоотеческие толкования текстов Священного Писания и произведения Феодора Студита.

К памятникам учительной литературы конца XI в. может быть также отнесена житийная «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (монаха Иакова). Считается, что в основе ее лежит летописное произведение, предшествовавшее Повести временных лет и использовавшее относительный счет лет, а также устные предания.

К этому же времени относится «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия (около 1062–1077 гг.), сохранившееся в сборнике конца XV – начала XVI в. «Стязание...» относится к полемическим богословским сочинениям и по тематике смыкается с «Посланием к папе Клименту» митрополита Иоанна (около 1077–1088 гг.). Оно сохранилось в славянских списках, а также в греческих и латинских переводах. Три послания против латинян оставил и митрополит Никифор (1104–1121). Ему же принадлежит «Поучение в неделю сыропустную в церкви, ко игумену и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям».

Очевидно, «стязание» с католиками приобрело на Руси в конце XI – начале XII в. особую актуальность.

К числу поучений относится и знаменитое «Поучение Владимира Мономаха», включающее три произведения: собственно поучение, автобиографию и письмо князю Олегу Святославичу. Созданные в конце XI – начале XII в., эти произведения случайно попали в состав Лаврентьевской летописи под 6604 (1096) г. Источниками, на которые опирался Мономах, были Псалтырь, «Шестоднев» экзарха Иоанна, многочисленные наставления к детям, свято-

отеческая литература, апокрифические «Заветы 12 патриархов» (в частности, «Завет Иуды»), «Пролог», произведения средневековой византийской и латинской, а также англосаксонской литературы. Одна из наиболее близких литературных параллелей к «Поучению Владимира Мономаха» – «Покаянный канон» грузинского царя Давида Строителя (1073–1125).

Развитие древнерусской проповеднической литературы связано с именами митрополита Климента Смолятича (1147–1154) и Кирилла, епископа Туровского (около 1169–1182 гг.). Достоверно Клименту принадлежит лишь полемическое «Послание к смоленскому священнику Фоме». Кроме ряда любопытных бытовых подробностей, оно содержит свидетельства знакомства Климента с античными философскими произведениями. Интерес представляет символическое истолкование образов и событий священной истории в их связи с событиями актуальными и злободневными. Это направление было развито в притчах и «словах» Кирилла Туровского. Его сочинения включают девять «слов», три послания к инокам, более 20 молитв и молебный канон. Кроме того, до нас дошли послание владимирского епископа Владимира печерскому монаху Поликарпу (1225–1226) и послание самого Поликарпа киево-печерскому архимандриту Акиндину (около 1231 гг.). Оба послания, имеющие отношение к учительной литературе, стали непосредственными источниками «Киево-Печерского патерика». Приблизительно в то же время появляются «Слово о небесных силах» и «Слово о мытарствах», приписываемые Авраамии Смоленскому, а также почти два десятка анонимных слов и поучений, включенных в прологи XIII–XIV вв. В них встречаются упоминания древнеславянских верований и обрядов, с которыми вела борьбу православная церковь.

К посланиям можно отнести и «Моление Даниила Заточника» (иногда в качестве особого произведения выделяется «Слово Даниила»). Жанр этого выдающегося литературного памятника домонгольской Руси вызывает множество споров и разноречивых суждений. В нем переплетаются черты публицистики и сатиры. «Моление...» оформлено в виде послания к князю. В основу положено переосмысление библейских текстов (прежде всего псалмов и книги Притчей Соломоновых). «Моление...» сохранилось в 19 списках XVI–XVII вв., представляющих две редакции и несколько их переделок. Датировка памятника (как, впрочем, и личность автора) спорны. Обычно дается широкая дата: XII–XIII вв. Точнее можно указать место появления «Моления...»: Северо-Восточная Русь. Даниил высказывает ряд суждений по поводу многих сторон жизни древнерусского общества (семейных отношений, монастырской жизни, быта княжеских и боярских хозяйств), слабо отразившихся в других источниках.

В годы ордынского владычества традиция написания поучений и слов не прервалась. К концу XIII в. относится слово митрополита Кирилла, в котором были изложены правила Владимирского собора 1274 г. Оно было разослано по всем русским епархиям и включено в состав Кормчих книг. Близки к нему по времени и «слова» (или поучения) Серапиона Владимирского (1274–1275). Внимание епископа сосредоточено на обличении пороков своего времени и призыве к покаянию и исправлению.

Почтения и послания митрополита Петра, новгородского архиепископа Василия, митрополита Алексия, епископа сарайского Матфея, посвященные вопросам веры и нравственности, составляют значительную часть всех оригинальных сочинений XIV в. Все они отражают проблематику, волновавшую русское общество в период начала объединения русских земель. Важное место в них занимают вопросы соотношения светской и духовной властей. Особую силу в связи с грядущим 7000 г. начинают приобретать мотивы подготовки к концу света и Страшному суду.

В конце XIV – начале XV в. появляется ряд русских сочинений учительного характера, написанные выходцами из Сербии и Греции: митрополитами Киприаном, Фотием и Григорием Цамблаком.

Киприану принадлежат пять посланий: одно окружное и четыре адресованных Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому. Последние затрагивают конфликт, связанный с поставлением Дмитрием Донским на митрополию Митяя-Михаила. Они содержат любопытные подробности и оценки отдельных эпизодов борьбы Киприана за митрополию.

Перу митрополита Фотия принадлежат восемь «слов», или поучений, адресованных пастве, 29 посланий и грамот, а также завещание митрополита. Однако по своему значению они существенно уступают сочинениям Григория Цамблака (22 «слова», полемическая статья против латынян и богослужебный стих на Успение Богородицы). Творчество Григория Цамблака оказало заметное влияние на русскую литературу.

В жанре учительной литературы в первой половине XV в. писали также Кирилл Белозерский (послания к великому князю московскому Василию Дмитриевичу, Можайскому князю Андрею Дмитриевичу и звенигородскому князю Георгию Дмитриевичу) и Симеон Новгородский («Почтение о молитве» и «Слово к псковичам»).

Авторы посланий и поучений второй половины столетия сосредоточили внимание на событиях, в значительной степени определивших судьбу не только древнерусской литературы, но и всей России в целом. Это, во-первых, ожидание конца света в 7000 г. и связанная с ним борьба против еретических движений; во-вторых, обретение русской митрополией автокефалии; в-третьих, объединение русских земель вокруг Москвы и, как следствие для церкви, разделение русской митрополии на западную и восточную.

Произведения, созданные по первому поводу, составляют собственно учительную (самую обширную) группу. К ним относятся шесть посланий митрополита Ионы (к новгородскому архиепископу Евфимию и ко всем новгородцам, к новгородскому князю Юрию Семеновичу, в Боголюбов монастырь, к детям, непокорным своей матери, и к жителям Вятки), два сохранившихся «слова» митрополита Феодосия (похвала апостолам Петру и Павлу и похвала по случаю чуда от мощей святителя Алексия) и одно послание митрополита Филиппа к игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону. Особенной остроты в последние десятилетия XV – первые десятилетия XVI в. достигла полемика с ересью «жидовствующих». По поводу ереси написано несколько посланий новгородского архиепископа Геннадия (к епископам сарскому Прохору, суздальскому Нифонту, Филофею Пермскому, к архиепископу ростовскому Иоасафу, к митрополиту Зосиме, а также к поместному собору). Эти послания имеют более исторический характер, излагая обстоятельства дела и призывая к гонениям против еретиков. Подобного рода послания были и у другого теоретика ортодоксального православия, Иосифа Волоцкого (или Волоколамского). Главным его трудом стал знаменитый «Просветитель» (включивший часть посланий волоцкого игумена против еретиков и их учения). Его создание заняло период примерно с 1493 по 1515 г. Возможно, в составлении «Просветителя» Иосифу помогал другой известный богослов Нил Сорский, в последние годы жизни ставший оппонентом волоцкого игумена по вопросу о монастырском землевладении. Идеи, близкие архиепископу Геннадию и Иосифу Волоцкому, высказывали в своих посланиях Дмитрий Герасимов и Нил Полев. В качестве их идейных противников выступали в своих произведениях князь-инок Вассиан Косой (Вассиан Патрикеев), поп Георгий Скрипица, новгородский архиепископ Серапион и другие авторы. Иногда Дмитрию Герасимову приписывают одно из важнейших учительных произведений того времени – «Повесть о белом клобуке». В ней обосновывалось перемещение центра православного мира на Русь.

По второму вопросу сохранились послания великого князя Василия Васильевича, адресованные константинопольскому патриарху и греческому императору, а также послания митрополита Ионы к патриарху и своей пастве, в которых обсуждалось самостоятельное возведение на престол русского митрополита.

Третьему из указанных вопросов посвящена довольно обширная переписка. Прежде всего это послания митрополита Ионы ко всем русским людям, а также к жителям Новгорода и Вятки, в которых поддерживался великий князь Василий Васильевич в его борьбе с Дмитрием Шемякой. К 1458–1461 гг. относятся ряд посланий великого князя Василия Васильевича польскому королю Казимиру и митрополита Ионы в Литву, Новгород и Псков, в которых обсуждались вопросы государственно-конфессиональных отношений. К этому комплексу примыкают также послания в Новгород преемника Ионы, митрополита Феодосия. Впоследствии митрополиты Филипп и Геронтий (1473–1489) также направили послания новгородцам и вятчанам, призывая их к покорности московскому князю.

В XVI в. центральным стал вопрос о статусе Московского государства. В связи с предсказанием немца Николая Булева о грядущем якобы в 1524 г. новом всемирном потоке появилось несколько антиастрологических произведений Максима Грека и старца новгородского Елеазарова монастыря Филофея. В учительных посланиях елеазаровского старца к государям Руси и царскому дьяку Мисюрю Мунехину (сентябрь 1527 – март 1528 г.) впервые в явном виде были сформулированы идеи перехода центра богоспасаемого мира на Русь (так называемая теория «Москва – третий Рим»). По образцу «Просветителя» Иосифа Волоцкого был составлен «Сборник учительный», в который вошли 33 «слова» митрополита Даниила (1522–1539), закрепивших новый официальный статус царя. Серьезным вкладом в развитие отечественной учительной литературы стала трилогия Ермолая-Еразма (40–60-е годы XVI в.): «Слово преболющее о троичности и единстве», «Слово о Божии соворении тричастнем» и «Молитва к Троице».

В XVII в. число учительных произведений пополнилось «Прениями с греками о вере» троицкого монаха Арсения Суханова, написанными в связи с богословским диспутом в резиденции Иерусалимского патриарха в 1649 г. В этом сочинении не только доказывается независимость русской церкви, но и провозглашается то, что московский царь – глава православия.

Несомненно, самой яркой страницей истории учительной литературы XVII в. стал комплекс произведений, связанных с расколом. Прежде всего это послания и слова идейных лидеров борющихся сторон – патриарха Никона (1652–1667) и протопопа Аввакума. Только из-под пера знаменитого расколоучителя (в основном в последние 15 лет его жизни) вышло не менее 90 произведений. Собственно учительный характер имеют «Книга бесед» и «Книга толкований», а также статья «Списание и собрание о божестве и о твари, и како созда Бог человека». В «Книгу бесед» вошли, в частности, толкования «Послания к римлянам» и Евангелия от Иоанна. «Книга толкований» объясняет смысл псалмов, книги Притчей и Премудрости Соломона, книги пророка Исаии и др. Важное место в полемике отводится вопросам нравственности духовенства и паствы, отношений между светской и духовной властью, о пределах самовластья личности и др.

Раскол, ожидание скорого рождения Антихриста и конца света стали доминирующими темами во всей учительной литературе второй половины XVII в.

Житийная литература

Самое раннее оригинальное древнерусское житие – «Служба святым мученикам Борису и Глебу», атрибутируемая митрополиту Иоанну (около 1021 г.; списки XII в.). Основные положения этого жития были развиты в «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе» (вторая половина XI в.), известном во множестве списков. Несколько позже монахом Иаковом было написано уже упоминавшееся «Житие князя Владимира» («Память и похвала князю русскому Владимиру»).

Младшим современником Иакова был Нестор, перу которого принадлежат житийные повести о Борисе и Глебе («Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса

и Глеба»), а также о Феодосии Печерском. Нестор хорошо знаком с иноязычными образцами житийной литературы (в частности, с чешским житием св. Вацлава, с памятниками греческой агиографии). Житие Феодосия, видимо, опиралось на утраченное житие Антония Печерского. Оно сохранило множество живых черт быта киевских монахов и горожан конца XI в. Описывая поведение Феодосия во время конфликта Ярославичей из-за киевского престола, Нестор фактически легитимировал неподчинение деятелей церкви светской власти князя. Житие Феодосия стало образцом для последующих древнерусских житийных произведений.

К концу XI – началу XII в. относится анонимное описание жизни и чудес Николая Мирликийского. Автор, в частности, ссылается на чудеса в Царьграде и Киеве, свидетелем которых был сам.

Упоминавшиеся уже послания инок Поликарпа и адресованные ему послания Владимирского епископа Симона (1215–1226) содержали ряд рассказов о печерских подвижниках (девять – у Симона, 11 – у Поликарпа). Их объединение создало основу «Киево-Печерского патерика». Туда вошел также фрагмент Повести временных лет («Слово о первых черноризцах печерских»). Первоначальная редакция «Киево-Печерского патерика» не сохранилась. Его самый ранний датированный текст – редакция 1406 г., составленная по инициативе тверского епископа Арсения. Независимо от Арсениевской редакции в самом Киево-Печерском монастыре в 1460 и 1462 гг. были созданы так называемые I и II Кассиановские редакции «Киево-Печерского патерика». В них первоначальный текст был расширен несколькими новыми статьями, восходящими ко времени до XIII в. II Кассиановская редакция легла в основу всех последующих переработок Патерика.

В XIII в. русская агиография пополнились «Житием преподобного Антония Римлянина», написанным его учеником и преемником Андреем, а также «Житием Авраамия Смоленского», созданным его учеником Ефремом. К последней половине XIII в. относятся житийное сказание о мученической кончине князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, жития Александра Невского и ростовского епископа Исайи. Эти агиографические повести отличаются рядом конкретных черт, позволяющих восстановить многие детали описываемых в них событий. Точность описаний поддается проверке при сличении их с современными летописными источниками и записками иностранных путешественников.

XIV в. пополнил список отечественных агиографических повестей житиями Кирилла Туровского и митрополита Петра, а также близкими к житиям сказаниями о благочестивых князьях Довмонте Псковском, Михаиле Тверском и Дмитрии Донском. Последние имеют светский характер и вошли в состав летописей.

В первой половине XV в. появляются жития, оказавшие влияние на все последующие агиографические сочинения, писавшиеся на Руси. Это жития Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Дмитрия Прилуцкого и митрополита Алексия. Первые два написаны Епифанием Премудрым, лично знавшим Стефана и Сергия. Это позволило ему создать повести, которые отразили множество живых подробностей жизни и быта подвижников и их окружения. В то же время в агиографических произведениях появляются витиеватость и многословность, затрудняющие выявление достоверной информации. Около 1440 г. Пахомием Сербом (Логофетом) было написано еще одно житие Сергия Радонежского, а несколько позже – жития митрополита Алексия, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Троице-Сергиева игумена Никона и новгородских владык Моисея и Иоанна. Кроме того, он написал несколько житий местночтимых святых. Во второй половине 60#х – начале 70#х годов иеромонах ярославского Спасо-Преображенского монастыря Антоний написал житие князя Феодора Ростиславича. Вскоре после смерти митрополита Ионы какой-то новгородец составил по воспоминаниям его житие. В 1495 г. под пером глушицкого инок Иринарха появилось

житие преподобного Дионисия Глушицкого, основанное на устных рассказах-воспоминаниях и монастырских заметках.

Всего к XVI в. набралось около 40 жизнеописаний князей, митрополитов, епископов, настоятелей монастырей, живших в XI – первой половине XV в., почитавшихся святыми, но официально не канонизированных, а также несколько десятков рассказов о печерских подвижниках XI–XIII вв., составивших патерик Киево-Печерского монастыря.

В 1547 г. в Москве был созван поместный собор, на котором был придан общерусский статус 11 святым, а еще девять были объявлены местночтимыми. Основанием, в частности, служило наличие житийной повести о святом, соответствующей канону. В 1549 г. состоялся еще один собор, на который были представлены вновь разысканные материалы о святых. Все они были освидетельствованы собором, после чего было принято решение об их канонизации.

За четверть века до этих соборов председательствующий на них митрополит Макарий сам вел колоссальную работу по кодификации «всех святых книг, которые в Русской земле обретаются». Итогом этой работы стали «Великие чети миней» (т. е. месячные чтения). Они составили 12 больших книг – по числу месяцев. В каждой из них были собраны жития святых, сказания об открытии их мощей, об установлении дней их памяти, поучения, похвальные «слова», назидательные повести и изречения подвижников и т. д. В конце каждого тома были помещены наиболее авторитетные христианские произведения (Синайский и Египетский патерики, «Хождение игумена Даниила», «Шестоднев» экзарха Иоанна, «Пчела», «Космография» Козьмы Индикоплова, сочинения Григория Цамблака и др.), которые по тем или иным причинам не могли быть отнесены к определенным календарным датам. В 1541 г. все 12 книг были внесены Макарием в новгородский Софийский собор на помин души своих родителей. В 1552 г. Макарий пожертвовал еще один список «Великих четых миней» московскому Успенскому собору, а другой подарил Ивану Грозному.

После соборов подготовка житий принимает организованный характер и ведется под контролем митрополита (с 1589 г. – патриарха). С этого времени жития становятся более формальными, а конкретно-историческая информация в них сводится к минимуму. Поэтому поздние житийные произведения представляют для историка ограниченный интерес.

Исключение составляет «Повесть о Петре и Февронии» (середина XVI в.) Еромолая-Еразма, сохранившаяся в автографе. Нарушая канон, она перекликается с западноевропейским рыцарским романом и русским фольклором. Повесть не была включена в состав поздних «Великих четых миней».

Особняком стоит «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», которое формально следует отнести к житийной литературе. Первая русская автобиография (если не считать поучения Владимира Мономаха) была создана во время пустозерского заключения, по «понуждению» духовника и союзника «огнепального» протопопа, старца Епифания. В «Житии...» присутствуют полемические и учительные черты. Оно известно в двух автографах и множестве (не менее 45) списков. Списки «Жития...» делятся на три редакции: первая написана в 1672–1673 гг., третья – не позже 1676 г. Аввакумово житие представляет собой уникальный памятник саморефлексии русского человека XVII в. Оно сохранило не имеющую аналогов информацию не только об обстоятельствах жизни автора и о расколе, но также о повседневной жизни, быте, поведении людей. В целом житие Аввакума далеко отстоит от прочих произведений жанра, из которого оно выросло.

Изучение житий с источниковедческой точки зрения большинством ученых признается малоперспективным. Это мнение опирается на фундаментальное исследование древнерусских житий, предпринятое В. О. Ключевским. Справедливое в отношении конкретных вопросов, оно не вполне бесспорно в целом. Большинство житий до сих пор не имеют научного издания.

Современное состояние источниковедения позволяет более оптимистично взглянуть на перспективы использования агиографии в исторических исследованиях. Представляется возможным шире осуществлять формулярный анализ при изучении житийной литературы. Это, в частности, может позволить точнее воспроизвести представления о святости в Древней Руси. Больше внимания следует уделить тем нравственным нормам, которые пропагандируются в житиях. Несмотря на абстрактно-трафаретные элементы содержания каждого из них, те из житий, которые принадлежали перу современников, сохранили важные исторические свидетельства. Часто они рассказывают о повседневной жизни монастырской братии, крестьян и горожан. Большой интерес представляют жития основателей монастырей. В таких памятниках можно найти сведения о местностях, где основывались монастыри, о соседних селениях, реках, урочищах, о князьях, дававших монастырям льготы, и, следовательно, выяснить, каким княжествам принадлежали земли, на которых селились монахи, как они их получали. Иногда прозвища князей, зафиксированные в житиях, дают возможность судить даже о существовании определенных княжеств. Однако ключ к полноценному использованию житийной информации в историческом исследовании пока не найден.

Хожения

Широкое распространение в Древней Руси получили хожд(е)ния – произведения, описывающие паломничества в Святую землю.

Самый ранний их образец – «Хожение» («Паломник», или «Странник») игумена Даниила (1112–1115). В качестве его литературных источников можно назвать западноевропейские описания Святой земли Зевульфа, Иоанна Вирцбургского, Фоки. В начале XIII в. описания своих «хожений» в Константинополь и на Афон оставили новгородский архиепископ Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) и киево-печерский архимандрит Досифей. Антоний оставил ряд уникальных упоминаний о русских реликвиях, хранившихся в Царьграде до его разграбления крестоносцами в 1204 г., Досифей же уделил основное внимание распорядку жизни афонских монахов.

С середины XIV в. возобновились путешествия русских людей к святым местам, а с ними возродился и временно угасший жанр хождений. Около 1350 г. в «Страннике» новгородский инок Стефаний описал свое пребывание в Царьграде (умолчав при этом, что он побывал и в Иерусалиме). Гораздо обстоятельнее хождение смоленского иеродиакона Игнатия, также побывавшего в Константинополе и Иерусалиме (1389). Более светский характер имеет рассказ о путешествии «куплею» (по торговым делам) в Царьград дьяка Александра (конец XIV в.). К 1420 г. относится путешествие иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы в Иерусалим, описанное им в «Ксеносе» (от *греч.* «гость»). Он подробно повествует о посещении Царьграда, Афона, Солуни, Иерусалима и других мест Святой земли. К жанру хождений примыкают сказания о Флорентийском соборе, приписываемые очевидцу события – суздальскому монаху Симеону: «Повесть об осьмом соборе» и «Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор».

В 1466 г. появилось описание путешествия некоего гостя Василия, посетившего святыне места Палестины. Оно очень кратко и, по словам митрополита Макария, «отзывается всею детскою простотою веры».

Завершает жанр хождений знаменитое «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1468–1475), сохранившееся в трех изводах (редакциях): в составе Софийской II и Львовской летописей, в составе сборника конца XV – начала XVI в. (Троицкий список), а также в составе летописно-хронографической компиляции XVII в. Несмотря на светский вид, хождение Афанасия Никитина вполне может быть отнесено к духовной литературе. Оно пронизано идеей сохранения веры в условиях, когда христианин лишен привычного окружения и не имеет возможности нормально отправлять религиозные

обряды. Одновременно это и серьезные рассуждения мирянина о единстве Бога независимо от того, как и кому конкретно молятся люди. Вместе с тем перед нами обстоятельный отчет об увиденном в незнакомых странах, примыкавших, по представлениям того времени, к раю. Еще одна важная сторона этого источника – особенности восприятия древнерусского человека, которые косвенно говорят о его собственных привычках и внутренних установках.

Смысл «хожений» до сих пор остается не вполне ясным. Описания паломничеств дают важный источник изучения не только деталей жизни и быта, но и общих представлений о Русской земле и ее месте в мире.

Воинские повести

Возникшие в рамках летописания, воинские повести постепенно выделились в самостоятельный жанр и обладают источниковедческой спецификой.

На их формирование оказали влияние переводные воинские повести и рыцарские романы. Это не документальные описания войн и сражений, а художественные произведения, образный язык которых специфичен и требует истолкования. Авторы воинских повестей озабочены созданием образа происходящего. Буквальное понимание и прямое заимствование из них исторической информации могут привести к серьезным ошибкам в исторических построениях.

Одно из самых ранних самостоятельных произведений, близких к такому рода жанру, – «Слово о полку Игореве». Список «Слова...» (возможно, XVI в.) был приобретен в середине 90#х годов XIX в. известным собирателем раритетов А. И. Мусиным-Пушкиным у архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Ярославля Иоилия Быковского. Текст был издан в 1800 г. Кроме того, сохранилась копия, подготовленная для Екатерины II. В 1812 г., как считается, оригинал «Слова...» сгорел вместе с частью библиотеки А. И. Мусина-Пушкина. Это дало основания для сомнений относительно подлинности памятника. Тем не менее достаточно веских доказательств поддельности «Слова...» до сих пор не найдено. Дискуссионным вопросом остается датировка текста «Слова...»: называются 1185 г., XIII, XVI и даже XVIII в. Неизвестен и автор, создавший уникальный памятник древнерусской письменности. Даже наиболее основательные атрибуции «Слова...» (скажем, боярину Петру Бориславичу) могут рассматриваться лишь в качестве рабочих гипотез или догадок. Оригинальная информация «Слова...» не может быть подвергнута независимой проверке: степень ее достоверности приходится оценивать лишь с точки зрения внутренней непротиворечивости. Работы последних лет показывают, что «Слово о полку Игореве» опирается на значительное число литературных памятников, что должно учитываться при работе с этим источником.

Как самостоятельные произведения воинские повести появляются с середины XIV в. К этому времени относят «Повесть о разорении Рязани Батыем». Она примыкает к рязанским агиографическим произведениям. Древнейшая редакция «Повести...» находится в Новгородской I летописи, однако впоследствии встречается в литературных сборниках. Написанная в стиле летописной статьи, «Повесть...» включает фантастические моменты и эпически обобщенные образы. Позднее в нее были включены эпизоды, отсутствовавшие в первоначальном варианте (рассказ о Евпатии Коловрате). В основе «Повести...» лежат устные предания, летописные и агиографические источники.

Мощным толчком к созданию целого цикла воинских повестей стала Куликовская битва. «Задонщина» – поэтическое повествование о ней, написанное, скорее всего, в 80–90#е годы XIV в. Она дошла в шести списках 70#х годов XV – конца XVII в. Текст «Задонщины» имеет множество общих мест со «Словом о полку Игореве». Кроме того, «Задонщина» испытала влияние летописной повести о Куликовской битве. Возможно, само имя Софония Рязанца (которому традиционно приписывается «Задонщина») заимствовано из какого-то не дошедшего до нас произведения Куликовского цикла. Очевидно, автор пользовался

и фольклорными источниками. «Задонщина» интересна непосредственными впечатлениями современника от сражения русских войск с отрядами Мамай.

«Сказание о Мамаевом побоище» – самый большой по объему памятник Куликовского цикла. Из него обычно заимствуется ряд подробностей об обстоятельствах и ходе сражения на берегах Непрядвы (о действиях засадного полка, контузии Дмитрия Донского и т. п.). Между тем это один из самых поздних памятников, рассказывающих о Куликовской битве, созданный не ранее первой четверти XV в. Сохранилось множество списков этой повести, делящихся на восемь редакций и большое количество изводов. Большинство исследователей считают, что, помимо письменных текстов (скажем, южнорусского летописания), ее автор пользовался устными воспоминаниями участников битвы (что, впрочем, сомнительно, учитывая позднее происхождение произведения). Для создателя «Сказания...» художественные достоинства создаваемого текста были, несомненно, важнее точности в передаче фактических подробностей.

Примерно в 1402–1408 гг. была создана «Повесть о Темир-Аксаке», рассказывающая о походе на Русь Тимура (Тамерлана) и его внезапном отступлении из русских земель. Уход войск Тимура связывается с перенесением в Москву Владимирской иконы Богоматери. Повесть сохранилась в составе летописей (Софийской II), а также в сборниках литературных произведений. Во второй половине XVI в. на основе «Повести о Темир-Аксаке» и других источников было написано «Сказание о Владимирской иконе Божьей матери». Оба памятника объединяет идея нового статуса Московского государства.

Падению Византийской империи под ударами турецких войск была посвящена «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. Она также дошла и в составе летописей, и в отдельном виде. Она написана во второй половине XV – начале XVI в. непосредственным участником событий. Кроме рассказов очевидцев Нестор Искандер явно использовал древнерусские воинские повести (скажем, «Повесть о разорении Рязани Батыем»). «Повесть о Царьграде» занимает важное место в обосновании теории «Москва – третий Рим».

К воинским повестям близка «Казанская история» (1564–1566). В то же время ряд черт роднит ее с краткими летописцами. Есть основания говорить о связи текста «Казанской истории» с Хронографом, «Сказанием о князьях Владимирских», посланиями Ивана Грозного, «Повестью о Царьграде» Нестора Искандера, «Александрией» и «Троянской историей», что затрудняет работу с ней как с источником достоверных фактических данных. Именно в «Казанской истории» Москва впервые прямо называется третьим Римом.

Многие особенности «Казанской истории» присущи и последней воинской повести XVI в. – «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков». Она опирается на близкий комплекс текстов, в том числе переводных («Александрию», «Повесть о Стефаните и Ихнилате»).

Одной из последних древнерусских воинских повестей стала «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» (около 1641 г.). Она существует в трех вариантах: историческом, поэтическом и сказочном. Историческая версия «Повести...» появилась вскоре после захвата Азова донскими казаками весной 1637 г. в форме казачьей войсковой отписки. Наряду в сугубо документальными описаниями в ней присутствуют конфессиональные мотивы. Поэтическая версия «Повести...» была написана непосредственно после обороны Азова казаками в 1641 г. Возможно, автором ее был казачий есаул, войсковой дьяк Федор Порошин. Реальные детали перемежаются в ней с фантастическими подробностями. На автора «Повести...» оказали влияние не только древнерусские воинские повести, но и казачий фольклор. В сказочной версии «Повести...» главное место занимает художественный вымысел. Она близка «историческому баснословию» второй половины XVII в. С этого времени воинские повести прекращают свое существование, превращаясь в авантурную беллетристику.

В воинских повестях древней Руси многие сведения имеют уникальный характер, в них – как ни в одной другой разновидности источников – отобразился дух времени, непосредственное восприятие описываемых событий современниками и ближайшими потомками.

Публицистические произведения XV–XVII веков

Формирование Российского государства связано с зарождением публицистики. Публицистические черты имеют произведения, связанные с ересями второй половины XV – первой половины XVI в. В центре их внимания – проблема человеческого «самовластья». Она развивалась прежде всего в рамках богословской традиции, поэтому все сочинения на данную тему близки учительной литературе. Темы «самовластья» касались как представители ортодоксального направления, так и еретики: Федор Васильевич Курицын («Лаодикийское послание», известное в списках конца XV – начала XVIII вв.), неизвестный автор «Написания о грамоте». Важную роль в борьбе с еретиками играли сочинения новгородского инокa Зиновия Отенского («Послание многословное к вопросившим о известии благочестия на зломудрие Косого» и «Истины показание к вопросившим о новом учении», конец 50#х – начало 60#х годов XVI в.).

Существенным аспектом темы «самовластья» был вопрос о пределах царской власти, ставший одним из центральных в сочинениях Иосифа Волоцкого. Отношениям духовных наставников и светской власти посвящены публицистические произведения Вассиана Патрикеева. В одном небольшом сочинении он выступает против монастырского землевладения, монашеского «лихоимания», а также против казней раскаявшихся еретиков. Вассиану Патрикееву приписывается и «Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков» (предположительно конец 1504 г.). Он составлен от имени монахов Кирилло-Белозерского монастыря и всех «заволжских старцев» (постриженников монастырей, расположенных к северу от Волги). В нем также осуждается решение о казнях еретиков, принятое церковным собором.

В ином аспекте проблема «самовластья» рассматривалась Иваном Семеновичем Пересветовым (Большая и Малая челобитные, «Сказание о Магмете-салтане» и др.; сохранились в списках не ранее 30#х годов XVII в.). Занимает его и вопрос о том, что важнее – точное соблюдение обряда или истинная вера. Иван Пересветов критикует сложившуюся систему отношений государя к своим подданным, одновременно настаивая на необходимости сильной власти.

Все упомянутые вопросы рассматривались и в переписке Ивана Грозного с Андреем Михайловичем Курбским. Она дошла в отдельных списках и сборниках второй трети XVII–XIX в. Известны три послания Курбского (1564–1579 гг.; первое – в двух редакциях) и два послания Ивана Грозного (1564 г. и 70#х годов; первое – в краткой и двух пространных редакциях). Поднимались эти темы А. М. Курбским и в «Истории о великом князе Московском» (1578). Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и сочинения беглого князя важны для понимания процессов, происходивших в России в середине XVI в.

Распространение публицистических источников связано с событиями Смуты. По форме они близки к традиционным жанрам духовной литературы: это видения («Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия, повести о видениях в Нижнем Новгороде и Владимире, в Устюге и др.), послания («Новая повесть о преславном Росийском царстве»), плачи («Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»). В них авторы пытаются осмыслить и понять причины происходящих событий, найти выход из создавшегося положения.

К памятникам публицистики близки исторические произведения, написанные «на злобу дня». Одно из самых популярных и объемных сочинений о Смуте – «Сказание»

Авраамия Палицына (1612–1620). Будучи участником описываемых событий, Авраамий оставил яркий рассказ, сопровождающийся прямыми и косвенными личностными оценками. Другой памятник такого рода – «Временник» дьяка Ивана Тимофеева (1616–1619). В нем описываются многие события, свидетелем и участником которых стал дьяк, занимавший заметный пост в государственном аппарате. Целый ряд известий «Временника» уникален. Незадолго до 1625 г. появились «Словеса дней и царей и святителей московских», написанные князем И. А. Хворостининым, которым присущи некоторые черты мемуаров (автор явно пытался оправдать свою службу у Лжедмитрия). В то же время «Словеса...» Хворостинина интересны как памятник, вышедший из кругов, близких самозванцу. Можно отнести к публицистическим памятникам эпохи Смуты и произведения СИ. Шаховского – человека, много видевшего и знавшего, притом обладавшего литературным талантом: челобитные, «Моление патриарху Филарету», «Повесть известно сказуема на память великому-человека благоверного царевича Дмитрия», «Повесть о некоем мнихе» и, наконец, «Повесть книги сея от прежних лет» (не позднее конца 20-х годов XVI в.).

Перечисленные произведения отличает присутствие в них личностного момента, элементов полемики, попыток анализа происходящего. Более четкую публицистическую направленность имеют литературные памятники периода раскола. Наиболее ярко она проявляется в посланиях, письмах и челобитных протопопа Аввакума.

Однако о развитии публицистики в собственном смысле слова можно говорить, видимо, только с появлением периодических изданий, позволявших оперативно реагировать на происходящее и своевременно обсуждать актуальные проблемы общественной жизни.

Глава 2

Источники российской истории XVIII – начала XX века

2.1. Общие свойства исторических источников нового времени

Необходимость выявления общих свойств исторических источников Нового и Новейшего времени обусловлена обширностью источниковой базы этих периодов истории. Отметим, что свойства исторических источников связаны с обстоятельствами их создания, а общность свойств порождается влиянием процесса индивидуализации и вторичной социализации личности (о чем шла речь в первом разделе). Но каждое такое свойство, возникнув в системе «источник – действительность», порождает, в свою очередь, особенности взаимоотношений в системе «историк – источник». В этих двух системах отношений и рассматриваются в данной главе общие свойства исторических источников.

2.1.1 Количественный рост исторических источников

Источник – действительность

В Новое время в сравнении с предшествующим периодом появляется огромное количество исторических источников. Это вполне очевидное качество имеет системообразующее значение, т. е. во многом определяет и другие свойства рассматриваемого корпуса исторических источников. Разберемся в причинах и следствиях этого явления.

Необходимо отметить лучшую сохранность документов Нового времени, прежде всего в России. В силу разных причин в России гораздо меньше, чем в европейских странах, осталось исторических источников от Средневековья. Крупномасштабное преобразование государственного аппарата в правление Петра I, ликвидация системы приказов и, как следствие этого, необходимость организации хранения документов вне системы делопроизводства приводят к созданию архивной службы, что положительным образом сказывается на сохран-

Сведения об авторах

Данилевский Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ.

Добровольский Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ.

Казаков Роман Борисович – специалист факультета истории НИУ ВШЭ.

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Московского государственного областного гуманитарного института.

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ.

Хоруженко Олег Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Швейковская Елена Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.